Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы
Кафедра перевода и прикладной лингвистики
(английский и немецкий языки)

О. Н. Голубкова, Н. В. Котова

Читаем, смотрим, обсуждаем

Учебное пособие

по повести
Дж. К. Джерома
«Трое в лодке, не считая собаки»
и ее экранизациям

Ижевск
2018

УДК 811.111(075.8)
ББК 81.432.1я73
Г 622

Рекомендовано к изданию Учебно-методическим советом УдГУ

Рецензент: кандидат пед. наук, доцент М. Л. Кропачева

Голубкова О. Н., Котова Н. В.
Г 622 Читаем, смотрим, обсуждаем. Учебное пособие по повести Дж.К.Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» и ее экранизации / Под ред. Н. М. Шутовой – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. – 92 с.

ISBN 978-5-4312-0603-0

Предлагаемое учебное пособие предназначено для студентов старших курсов, осваивающих профессиональные программы, ориентированные на изучение английского языка. Система заданий направлена на усвоение и активизацию лексического материала, совершенствование навыков монологической речи, развитие компетенций интерпретации художественного и аудиовизуального текста, а также формирование умений оценивания качества перевода.

УДК 811.111(075.8)
ББК 81.432.1я73

© Голубкова О. Н.,
Котова Н. В. 2018

ISBN 978-5-4312-0603-0

© ИЯЛ УдГУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 4

Методические рекомендации преподавателю и студенту..... 9

Unit 1. (ch. 1 – 4) 15

Unit 2. (ch. 5 – 8) 25

Unit 3 (ch. 9 – 11) 42

Unit 4 (ch. 12 – 14) 53

Unit 5 (ch. 15 –19) 65

Unit 6..... 78

Статья для перевода с русского языка на английский
Джером К. Джером «Трое в лодке, не считая собаки»:
секрет успеха..... 79

Literature 90

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие читательской компетенции – важнейшее требование филологических и переводческих образовательных программ, поэтому включение такого аспекта в преподавание основного, а также второго иностранного языка является обязательным во многих языковых вузах. На протяжении многих десятилетий одним из самых популярных текстов для домашнего чтения, рекомендуемых для студентов 2 и 3 курсов языковых образовательных программ, является повесть Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», что объясняется рядом причин.

Во-первых, эта повесть, как свидетельствуют опросы студентов, привлекает внимание жанром путешествия и связанных с ним приключений. Интересно заметить, что опубликованная впервые в 1889 г., повесть первоначально задумывалась автором как путеводитель путешествия по реке Темзе. В ней отражен личный опыт путешественников по перемещению не только в географическом пространстве, но и в историческом: как в любом путеводителе, изложение материала не обходится без исторических экскурсов и географических комментариев. В этом плане книга предоставляет богатый страноведческий и культурологический материал, так как обеспечивает географическую точность и изобилие исторических фактов, имен, дат. Такого рода информация в художественном тексте создает для читателя установку на достоверность изображаемого, позволяет почувствовать «эффект присутствия».

Во-вторых, повесть имеет линейную организацию сюжета, где ряд независимых историй-анекдотов «нанизывается» в последовательности, заданной маршрутом путешествия от Кингстона до Оксфорда по реке Темзе. Такая композиция делает материал удобным для прочтения и обсуждения в лингводидактическом плане. Рассказы имеют законченную структуру, а нередко и все необходимые

элементы самостоятельного художественного произведения – экспозицию, развитие действия, кульминацию, развязку, что создает отдельный содержательный блок эмоционально и эстетически насыщенный информацией, и позволяет повысить читательскую мотивацию обучающихся и делает материалы удобными для формирования навыков монологической речи.

В-третьих, юмор и ирония – важнейшие действующие инструменты Джерома, которые позволяют наблюдать разновидности и словесного, и ситуативного юмора, увидеть его культурологические черты. Юмор всегда создает позитивную мотивацию, сказывается на положительном отношении студентов к эмоциональному пространству уроков.

Развитие профессионального образования в соответствии с потребностями общества отчетливо демонстрирует тенденцию к переходу на парадигму интенсивной интеллектуализации, что обусловливает интерес к изучению когнитивных процессов, лежащих в основе той или иной профессиональной деятельности. Профессии филолога, лингвиста, переводчика, нацеленные на осуществление текстовой деятельности нуждаются в обновлении системы развиваемых когнитивных качеств личности, так как рынок требует таких компетенций как написание и подбор тематического контента для сайтов, создание рекламных роликов и видеоматериалов, создание тематических презентаций, формирование экспертных мнений, работа с большими массивами гипертекстовой информации, копирайтинг, рерайтинг и т. д. Все задания в учебном пособии нацелены на совершенствование аспектов компетенций, формирующих готовность к этим новым видам профессиональной деятельности.

Последовательность заданий урока учебного пособия обусловлена логикой усложнения когнитивных стратегий при работе с текстом на иностранном языке: от общего понимания и запоминания вокабуляра и основных сюжетных линий повести, к интерпретации текста и умения выразить собственную точку

зрения в монологической речи, к формам глубокого понимания текста, которое выражается в готовности перевести текст из вербальной модальности в визуальную, к сравнительно-сопоставительному переводческому анализу как высшей форме профессионального освоения текста. Каждый урок имеет следующий комплекс заданий и упражнений:

I. *Read the assigned chapters with special attention to the use of the active vocabulary items provided below. Reproduce the situations in which the author used them in the text.*
II. *Give English equivalents for the following.*
III. *Answer the following questions.*
IV. *Paraphrase or explain.*
V. *Speak on the following situations using the vocabulary given in brackets. Answer your groupmates' questions.*
VI. *Visualization activities.*
VII. *Translator's corner. Compare the fragment from the original text of the book with two translations. What translator's decisions do you agree with and what would you like to improve?*

Рассмотрим основные методические принципы, определившие содержание заданий в последовательности, предлагаемой уроком.

Отбор вокабуляра для изучения в рамках каждого урока производится на основании двух ведущих принципов:

1) слова и фразеологизмы, которые являются ключевыми в организации художественного пространства повести, без них невозможно пересказывать и обсуждать ключевые сюжеты и ситуации;
2) слова из списка, составленного британскими преподавателями английского языка как иностранного и включенного в известный методистам список «Оксфорд – 3000», отобранные на основе опроса студентов 3 курса, показавшего их как слова, вызывающие затруднения при переводе.

Вопросы к прочитанному материалу урока являются своего рода индикаторами понимания прочитанного, так как, в основном, сосредоточены на деталях описаний, которые необходимы для запоминания основных ситуаций, подлежащих обсуждению на уроке. Если обучающийся может ответить на вопрос об отдельных подробностях повествования, значит он демонстрирует полноту запоминания и освоения прочитанного материала.

Задания на перефразирование имеют большое значение при формировании навыков монологической речи, так как дают возможность характеризовать контекст и ситуацию, а также показать, насколько успешно студенты могут интерпретировать художественный текст и понимать подтекст, видеть иронический и юмористический смысл высказываний. Одновременно происходит активизация лексических и грамматических речевых умений, и навыков за счет выстраивания синонимических рядов.

Задание на воспроизведение отдельных ситуаций романа в виде монологических высказываний построено на активизации обсуждения основных сюжетных линий романа, которые имеют название в виде темы для высказывания, а также список слов и словосочетаний, которые должны быть обязательно включены в монологическое высказывание. Такая формулировка задания позволяет управлять процессом отбора содержания для включения в монологическое высказывание, которое готовит студент. Значимым аспектом задания оказывается и необходимость вопросно-ответной работы, в ходе которой которые студенты задают вопросы после прослушивания высказывания, что позволяет выяснить дополнительные детали повествования, дать возможность высказать собственную точку зрения по отдельным проблемам и элементам идейного содержания той или иной ситуации, выяснить отношение говорящего к явлениям, изображенным в художественном тексте.

Шестое задание уроков нацелено на формирование и совершенствование навыков визуализации. Визуальная грамотность – новый термин, возникший в методике преподавания языков, ему в последнее время уделяется большое внимание в дидактических разработках по преподаванию иностранного языка. Так, в частности, на кафедре перевода и прикладной лингвистики Института языка и литературы Удмуртского государственного университета под руководством зав. кафедрой Н. М. Шутовой была создана серия учебных пособий «Читаем, смотри, обсуждаем», в которой дидактическая «связка» *книга – фильм* определяет логику развития читательской стратегии. Но как системный фактор, развитие компетенции визуализации, столь востребованной в 21 веке, ещё нуждается в дополнительном изучении.

Задания на сравнительно-сопоставительный анализ перевода предполагают работу с тремя текстами – оригиналом, переводом М. Салье (издательство ГИХЛ, г. Москва, 1957) и вторым вариантом перевода М. Донского и Э. Линецкой («Лениздат», 1958). Фрагменты, предлагаемые для анализа, имеют характер законченных эпизодов, связанных с той или иной историей, произошедшей с персонажами повести. Эти эпизоды уже становились к моменту переводческого сравнительно-сопоставительного анализа объектом обсуждения в том или ином задании на уроке, поэтому знание деталей оригинала является основой для управления обсуждением качества переводов на уроке.

Авторы

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ И СТУДЕНТУ

Учебное пособие рассчитано на 12–14 аудиторных часов, при этом объем самостоятельной работы студентов по подготовке домашнего задания к уроку составляет не менее 36–40 часов. В целом, материал учебного пособия предполагает не менее 7–9 учебных недель для освоения, в зависимости от уровня языковой подготовки группы и готовности студентов к самостоятельной работе.

Учебное пособие включает в себя 6 уроков, пять из которых непосредственно связаны с чтением текста, а шестой урок предполагает конференцию, в рамках которой студенты имеют возможность обобщить полученные впечатления от прочтения книги.

В ходе подготовки к аудиторному занятию по домашнему чтению студенту необходимо прочитать 20–25 страниц текста. Рекомендуется следовать следующему алгоритму.

Первое чтение ознакомительное, когда студент получает впечатление от прочитанного материала, опираясь на те слова, выражения грамматические конструкции, которые может понять без словаря и без дополнительного перечитывания того или иного фрагмента. Затем студенту рекомендуется посмотреть в словаре значения всех слов из активного вокабуляра, который приведен в первом задании, а также тех слов, которые кажутся ему незнакомыми, или имеют неизвестные для него контекстуальные значения. После этого следует прочитать данный отрывок ещё один раз, для того, чтобы углубить понимание прочитанного. Второй аспект первого задания, связанный с реализацией значения слова в контексте, позволяет проверить, насколько точно студенты понимают семантику лексической единицы в авторском употреблении.

Хорошим подспорьем в работе преподавателя и студента являются аудиоматериалы, имеющиеся в интернете. Можно рекомендовать как отдельные главы, которые читают известные актеры, так и одну версию аудиозаписи всей повести, что тоже дает свои хорошие результаты. Использование аудиозаписи книги позволяет совершенствовать беглость чтения, повышает скорость чтения, а также способствует развитию навыков хорошего произношения. После того, как заданные главы прочитаны два раза, выучен новый лексический материал, рекомендуется обратиться к заданиям урока. Сначала студенты должны познакомиться со всеми вопросами, которые даны в задании *III Answer the following questions,* и подготовить краткие ответы. Можно рекомендовать студентам перечитать некоторые фрагменты, чтобы найти ответы на вопросы и сделать ответ кратким и точным, соответствующим тексту. Это упражнение нацелено на уточнение деталей, на запоминание сюжетообразующих элементов текста книги.

Четвертое задание урока предполагает более глубокое понимание текста, так как в задании приводятся цитаты из заданных глав. Как правило, эти цитаты содержат в себе некоторую амбивалентность, загадку и требуют дополнительного толкования, и, безусловно, знания контекста. При чтении книги можно рекомендовать студентам пользоваться опцией «найти», имеющейся в Microsoft Office Word, так как электронные тексты на английском языке, имеющиеся в свободном доступе в Интернете, отвечают необходимым качествам учебного текста, и студенты готовы их воспринимать. Функция «найти» может помочь в поиске как отдельных слов, так и словосочетаний.

В четвертом задании каждого урока *Paraphrase or explain,* которое предполагает перефразирование и объяснение, можно рекомендовать следующие действия: прежде чем объяснить, как студент понимает ту или иную цитату, нужно проверить насколько хорошо студент

понимает саму фразу, все ли значения слов в данной фразе могут быть идентифицированы. Формулирование и переформулирование мысли иными словами помогают студентам расширить синонимические ряды, тренируют лексико-грамматические навыки говорения. Кроме того, формируется связность и логичность построения фразы, что является значимой когнитивной операцией в процессе освоения английского языка. На этом этапе урока уместно рекомендовать студентом внимательнее слушать друг друга, предлагать свои дополнения, прояснять содержание высказывания, если по какой-то причине студент не достиг точности и ясности формулировки. Опыт работы с этим заданием показывает, что некоторым студентам перефразирование дается легче, а некоторые испытывают значительные трудности в подборе соответствующих вербальных средств. В этом случае необходимо предоставить возможность перефразировать и объяснять данную цитату студентам с более высоким уровнем подготовки, и лишь затем, после того как основная идея задания становится понятной, дать возможность прокомментировать текстовые единицы тем студентам, которые чувствуют себя неуверенно в говорении и понимании художественного текста.

Пятое задание *Speak on the following situations using the vocabulary given in brackets. Answer your groupmates' questions* каждого урока предполагает развитие навыков монологической речи. Здесь можно предложить студентам два способа подготовки: во-первых, заранее в ходе выполнения домашнего задания распределить ситуации и подготовить ту, которая была выбрана. Такой подход рекомендуется в том случае, если группа в языковом плане оказывается на среднем уровне подготовки, и такой подход может облегчить и тем самым сделать более интересным обсуждение текста. Для более сильных групп можно рекомендовать другой подход, а именно; выбрать ситуацию для подготовки монолога на уроке, или предоставить

возможность тянуть жребий для объективности выбора. Очень важно следить за тем, чтобы студенты использовали все лексические опоры, которые приведены в скобках после формулировки темы.

Вербальные опоры позволяют эффективно управлять процессом отбора содержания для формирования монологической речи студента, так как эта лексика связана с развитием сюжета, содержит значимые элементы описания характеров и кульминационных моментов.

Одним из вариантов выполнения такого упражнения являются дополнительные задания отдельным студентам по отслеживанию количества использованных лексических единиц. Это стимулирует студентов внимательно слушать друг друга, быть активными участниками обсуждения, что мотивирует вопросно-ответную деятельность.

На этом этапе урока можно рекомендовать задавать вопросы трех типов: во-первых, вопросы, связанные непосредственно с развитием сюжета, ориентированные на активизацию запоминания деталей прочитанного. Во-вторых, это вопросы дискуссионного характера, например, вопросы об отношении к происходящему, к отдельным фактам из жизни героев, насколько юмористической кажется обучающимся та или иная ситуация. Второй тип вопросов – это вопросы об отношении к изображаемому в тексте повести.

Третий тип вопросов о личных впечатлениях студента, который мог оказаться в такой же ситуации, как и герои повести. Это вопросы типа: *Вы когда-нибудь были на рыбалке? Вы когда-нибудь плавали рано утром в реке? Приходилось ли вам ночевать в палатке?* Обобщая типы задаваемых вопросов, можно классифицировать их как вопросы о деталях повести, вопросы об отношении к изображаемым событиям и поступкам героев, вопросы про себя и о себе. Перед выполнением задания преподавателям рекомендуется объяснить студентам все три типа вопросов, а также продиктовать опоры, с помощью которых студентам легче

будет формулировать вопросы. Особенно это необходимо для студентов, имеющих средний уровень языковой подготовки.

Для того, чтобы развивать компетенцию визуализации текста и формировать умение и навыки перевода текстового материала в формат аудиовизуального текста, пособие предлагает ряд упражнений (задание № 6), в которых разработаны последовательные комплексы действий и операций по работе с вербальным материалом художественного текста и его трансформации в визуальные образы. Предложенные инструменты дидактического управления процессом интерпретации студентами полимодальных текстов (вербальных и аудиовизуальных) организованы в таблицы и схемы для удобства использования как на уроке, так и в самостоятельной работе при выполнении домашнего задания.

Последовательность заданий организована в логике продвижения от работы с отдельными сценами по ходу последовательного чтения глав книги, к просмотру имеющихся экранизаций романа в отечественной и британской фильмографии, затем к обсуждению целостного текста повести и фильма:

1) написать сценарий для создания короткометражного фильма по одной сцене (урок 1);
2) создать раскадровку одного-двух эпизодов для короткометражного фильма (урок 2);
3) перевести на английский язык и сделать запись дубляжа эпизода из российского фильма «Трое в лодке, не считая собаки», снятого на студии «Ленфильм» в 1979 г. (урок 3);
4) сравнить текст романа и одноименный фильм, снятый компанией BBC режиссером Стивеном Фриерсом по сценарию Тома Стоппарда в 1975 г (урок 4).
5) подготовить и обсудить проект римейка фильма.

С целью активизации метакогнитивных стратегий студентов многие задания в качестве педагогической поддержки предлагают графически организованный материал пояснений в виде таблиц, которые помогают структурировать имеющуюся информацию и управлять способами формирования ответа студентов.

Седьмой тип задания предполагает сравнительно-сопоставительный анализ фрагментов оригинала повести «Трое в лодке, не считая собаки» с переводами. Отбор фрагментов оригинала производился с учетом популярности тех или иных сюжетных поворотов и законченных эпизодов среди студентов. Результатом выполнения этого задания может быть устный обмен мнениями на русском или английском языке, в зависимости от подготовленности студентов, или это могут быть небольшие письменные тексты-комментарии. Переводческие комментарии могут быть сданы в письменном виде после урока, при этом можно предоставить студентам возможность обменяться своими комментариями в рамках подготовки домашнего задания до или после урока. Предполагается, что студенты будут опираться на те инструменты и рекомендации по осуществлению сравнительно-сопоставительного переводческого анализа, которые они изучали на занятиях по теории и практике перевода. Логика построения ответа студента по характеристике качества перевода должна быть следующей: 1) лингвистический анализ лексико-грамматической или стилистической единицы оригинала, взятой для сопоставления; 2) анализ данной единицы для сопоставления в текстах первого и второго переводов; 3) характеристика переводческой стратегии или трансформации, которая была применена; 4) характеристика качества и эффективности принятого решения переводческой проблемы.

Авторы

UNIT 1. (CH. 1 – 4)

I. Read the assigned chapters with special attention to the use of the active vocabulary items provided below. Reproduce the situations in which the author used them in the text:

a commotion up and down a house
a half-forgotten nook
affair
an excellent preventive against smth.
disinclination
lumber
muffled voice
overstrain
remedy
restore
the original sin
to abandon
to be nuisance
to be out of order
to be sea-sick
to cease smth.
to crawl
to feel quarrelsome
to give clumps
to give smb. a clever and powerful piece of acting
to growl
to haunt smb.
to have fits of giddiness
to keep the disease in check
to live at one's expense
to make a fuss over smb. or smth.
to play the fool

to plunge into the limpid river
to resume smth. (a discussion, a talk)
to smash
to swear at one another
to take the burden of smth.
to tumble down in a heap
virtue has triumphed
virulent

II. Give English equivalents for the following:

возобновлять, валять дурака, сдавленный голос, рычать, полузабытый уголок, отличное средство от, жить за чей-либо счет, суетиться вокруг кого-то из-за чего-то, добродетель восторжествовала, нырнуть в прозрачную воду.

III. Answer the following questions:

1) Why did Jerome consider himself an interesting case from a medical point of view?
2) What did the narrator feel after visiting the British Museum?
3) What was the doctor's advice?
4) What did the friends discuss?
5) What kinds of having a rest did they speak of?
6) What can you say about the sea-travelling experiences described by the narrator?
7) Who was against the idea of a sea-trip?
8) Who of the friends was for camping out and who was for sleeping at inns?
9) What did you learn about Harris's character?
10) What is Montmorency's idea of "life"?
11) How was the food question decided?
12) What are the advantages of cheese as a travelling companion?
13) When was packing finished?

IV. Paraphrase or explain:

1) I had walked into that reading-room a happy, healthy man. I crawled out a decrepit wreck.
2) I had the symptoms, beyond all mistakes, the chief among them being “a general disinclination to work of any kind”.
3) ... those simple, old-fashioned remedies are sometimes more efficacious than all the dispensary stuff.
4) The overstrain upon brains has produced a general depression throughout the system.
5) A sea trip does you good when you are going to have a couple of months of it, but, for a week, it is wicked.
6) There is no poetry about Harris – no wild yearning for the unattainable.
7) We had taken up an oil-stove once, but “never again”.
8) He said he dearly loved a bit of cheese, but it was beyond his means.
9) My toothbrush is a thing that haunts me when I’m travelling and makes my life a misery.
10) There is nothing does irritate me more than seeing other people about doing nothing when I’m working.

V. Speak on the following situations using the vocabulary given in brackets. Answer your groupmates’ questions.

1) Three friends and their diseases.
(to feel seedy; fits of giddiness; to give a piece of acting; to be out of order; virulent form; treatment for some ailment; old-fashioned remedy; to give clumps; a general disinclination to work).

2) General ideas of spending holidays.
(overwork; a complete change; overstrain upon one’s brains; to restore; far from the madding crowd; to object to; the constant change of scene; to suit smb.; board and lodging; to be struck with the suggestion; not to be in one’s line).

3) Pleasures of camping out on fine nights and wet nights.
(to run a boat into some nook; to feel full of thoughts; poisoned sneers of artificiality; puddle; to fix a tent; to tumble down in a heap; to feel quarrelsome).

4) First impressions of Montmorency.
(an angel sent upon the earth; to bring the tears into the eyes of; to live at one's expense; growling and kicking; to collect a gang).

5) Harris's features of character.
(Harris's method of doing work; to rouse; to weep; to get a drop of; in the drinking line; practical view of a matter).

6) How the elderly family man puts up a picture.
(Uncle Podger's story; a commotion up and down a house; to make a fuss over smth., in an injured tone, might just as well ask the cat, picture-cord, smash, with the force nearly sufficient).

7) Advantages of cheese as a travelling companion.
(to squeeze down; to sniff; to make a fuss over smth; to be attached to smth.; to regard smth. as a "put upon").

8) Packing up for the trip.
(to boss a job; irritating; to make smb. wild; to haunt smb.; to sit on the edge of table; to smash smth.).

9) The food question and how it was decided.
(to say smth. with a significant look; to ooze; to spoil; a cheesy flavour; the getting-upset idea; a bit of things to be taken).

VI. Visualization activities. Choose episodes 6 or 7 from exercise V and write a script to make a short film. Use the chart below to help you.

Chart 1. How to write a script of a scene

#	step	Recommendation what to write about
1.	Set the scene and give it a heading	• Where is the scene set? (a library, a restaurant, a sitting room) What time of the day is it? (daytime, dawn, night, noon) What is happening? Whom can we see on the screen now? • Is the scene to be shot inside (interior, abbreviated "INT") or outside (exterior, abbreviated "EXT")?
		Example: *INT. SITTING ROOM – EVENING.* *Or:* *EXT. NEAR THE LOCK ON THE THAMES.*
2.	Add characters, actions, the sound	Use the "literary" present tense. Write as though whatever is happening on the scene is happening right now. You may want some sounds to be heard, so add them.
		Example: *INT. SITTING ROOM – EVENING. The table is laid for dinner. The telephone buzz is heard. JOHN, 30, picks up the receiver. His two friends are watching him.*

3.	Write dialogues; let the characters combine words with actions.	You may have an idea not only what is said, but also how it is said and what action needs to be taking place at the moment of the conversation. You can put this information in parenthesis. Sometimes you may want your character to continue talking while he/she isn't in the scene, and you only hear the voice. This is called "voiceover" and is abbreviated "V.O."
		Example: *JOHN (addressing his friends and inviting them to dinner, pointing to the table)* *WILL YOU HAVE SOMETHING?*

VII. Translator's corner. Compare the fragment from the original text of the book with two translations. What translator's decisions do you agree with and what would you like to improve?

"Slowly the golden memory of the dead sun fades from the hearts of the cold, sad clouds. Silent, like sorrowing children, the birds have ceased their song, and only the moorhens plaintive cry and the harsh croak of the corncrake stirs the awed hush around the couch of waters, where the dying day breathes out her last.

From the dim woods on either bank, Nights ghostly army, the grey shadows, creep out with noiseless tread to chase away the lingering rear-guard of the light, and pass, with noiseless, unseen feet, above the waving river-grass, and through the sighing rushes; and Night, upon her sombre throne, folds her black wings above the darkening world, and, from her phantom palace, lit by the pale stars, reigns in stillness.

Then we run our little boat into some quiet nook, and the tent is pitched, and the frugal supper cooked and eaten. Then the big pipes are filled and lighted, and the pleasant chat goes round in musical undertone; while, in the pauses of our talk, the river, playing round the boat, prattles strange old tales and secrets, sings low the old child's song that it has sung so many thousand years will sing so many thousand years to come, before its voice grows harsh and old a song that we, who have learnt to love its changing face, who have so often nestled on its yielding bosom, think, somehow, we understand, though we could not tell you in mere words the story that we listen to.

And we sit there, by its margin, while the moon, who loves it too, stoops down to kiss it with a sisters kiss, and throws her silver arms around it clingingly; and we watch it as it flows, ever singing, ever whispering, out to meet its king, the seat ill our voices die away in silence, and the pipes go out till we, common-place, everyday young men enough, feel strangely full of thoughts, half sad, half sweet, and do not care or want to speak till we laugh, and, rising, knock the ashes from our burnt-out pipes, and say Good-night, and, lulled by the lapping water and the rustling trees, we fall asleep beneath the great, still stars, and dream that the world is young again young and sweet as she used to be ere the centuries of fret and care had furrowed her fair face, ere her children sins and follies had made old her loving heart sweet as she was in those bygone days when, a new-made mother, she nursed us, her children, upon her own deep breast ere the wiles of painted civilization had lured us away from her fond arms, and the poisoned sneers of artificiality had made us ashamed of the simple life we led with her, and the simple, stately home where mankind was born so many thousands years ago."

Перевод М. Салье

«Золотое воспоминание об умершем солнце медленно блекнет в сердце холодных, печальных облаков. Умолкнув, как загрустившие дети, птицы перестали петь, и только жалобы болотной курочки и резкий крик коростеля нарушают благоговейную тишину над пеленою вод, где умирающий день испускает последнее дыхание.

Из потемневшего леса, подступившего к реке, неслышно ползут призрачные полчища ночи – серые тени. Разогнав последние отряды дня, они бесшумной, невидимой поступью проходят по колышущейся осоке и вздыхающему камышу. Ночь на мрачном своем престоле окутывает черными крыльями погружающийся во мрак мир и безмолвно царит в своем призрачном дворце, освещенном бледными звездами.

Мы укрыли нашу лодку в тихой бухточке, поставили палатку, сварили скромный ужин и поели. Вспыхивают огоньки в длинных трубках, звучит негромкая веселая болтовня. Когда разговор прерывается, слышно, как река, плескаясь вокруг лодки, рассказывает диковинные старые сказки, напевает детскую песенку, которую она поет уже тысячи лет и будет петь, пока ее голос не станет дряхлым и хриплым. Нам, которые научились любить ее изменчивый лик, которые так часто искали приюта на ее волнующейся груди, – нам кажется, что мы понимаем ее, хотя и не могли бы рассказать словами повесть, которую слушаем.

И вот мы сидим у реки, а месяц, который тоже ее любит, склоняется, чтобы приложиться к ней братским лобзанием, и окутывает ее нежными серебристыми объятиями; мы смотрим, как струятся ее воды, и все поют, все шепчут, устремляясь к владыке своему – морю; наконец голоса наши замирают, трубки гаснут, и нас, обыкновенных, достаточно пошлых молодых людей, переполняют мысли печальные и милые, и нет у нас больше охоты говорить.

И, наконец, рассмеявшись, мы поднимаемся, выколачиваем погасшие трубки и со словами «спокойной ночи» засыпаем под большими тихими звездами, убаюканные плеском воды и шелестом деревьев, и нам грезится, что мир снова молод, молод и прекрасен, как была прекрасна земля до того, как столетия смут и волнений избороздили морщинами ее лицо, а грехи и безумства ее детей состарили ее любящее сердце, – прекрасна, как в былые дни, когда, словно молодая мать, она баюкала нас, своих сыновей, на широкой груди, пока коварная цивилизация не выманила нас из ее любящих объятий и ядовитые насмешки искусственности не заставили нас устыдиться простой жизни, которую мы вели с нею, и простого величавого обиталища, где столько тысячелетий назад родилось человечество».

Перевод М. Донского и Э. Линецкой

«В недрах грустных, остывающих облаков медленно тают золотые воспоминания об умершем солнце. Уже не слышно щебетанья птичек: они примолкли, словно огорченные дети. И только жалобный зов куропатки да скрипучий крик коростеля нарушают благоговейную тишину над лоном вод, где, чуть слышно вздохнув, почиет день.

Преследуя отступающие блики света, призрачное воинство Ночи – темные тени – безмолвно надвигается с берегов реки, из подернутых вечерним туманом лесов, незримой поступью движется оно по прибрежной осоке, пробирается сквозь заросли камыша. И над погружающимся во мглу миром простирает черные крылья Ночь, восходящая на мрачный трон в озаренном мерцанием бледных звезд призрачном своем дворце, откуда она правит миром.

И тогда мы причаливаем нашу лодку в какой-нибудь тихой заводи, и вот уже поставлена палатка, а скромный ужин приготовлен и съеден. И вот набиты и закурены длинные трубки, и идет вполголоса дружеская беседа, а когда она прерывается, река плещется вокруг лодки и нашептывает

нам свои старые-старые сказки, и выбалтывает нам свои удивительные тайны, и тихонько мурлычет свою извечную детскую песенку, которую поет уже много тысяч лет и будет петь еще много тысяч лет, прежде чем ее голос сделается грубым и хриплым, – песенку, которая нам, научившимся любить изменчивый лик реки, нежно и доверчиво прильнувшим к ее мягкой груди, кажется такой понятной, хотя мы и не смогли бы словами пересказать то, что слышим.

И мы сидим над рекой, а луна, любящая ее не меньше, чем мы, склоняется к ней с нежным лобзанием и заключает ее в свои серебристые объятия. И мы смотрим, как струятся неумолчные воды, несущиеся навстречу своему повелителю-океану, – смотрим до тех пор, пока не замирает наша болтовня, не гаснут трубки, пока мы, в общем довольно заурядные и прозаические молодые люди, не погружаемся в печальные и в то же время отрадные думы, которым не нужны слова, – пока, неожиданно рассмеявшись, мы не встаем, чтобы выколотить трубки, пожелать друг другу доброй ночи, и не засыпаем под безмолвными звездами, убаюканные плеском волн и шелестом листвы. И нам снится, что земля стала снова юной-юной и нежной, какой она была до того, как столетия забот и страданий избороздили морщинами ее ясное чело, а грехи и безрассудства ее сынов состарили любящее сердце, – нежной, как и в те далекие дни, когда она, молодая мать, баюкала нас, своих детей, на могучей груди, когда дешевые побрякушки цивилизации не вырвали еще нас из ее объятий, когда человечество еще не было отравлено ядом насмешливого скептицизма и не стыдилось простоты своей жизни, простоты и величия обители своей – матери-земли».

UNIT 2. (CH. 5 – 8)

I. Read the assigned chapters with special attention to the use of the active vocabulary items provided below. Reproduce the situations in which the author used them in the text:

an impostor
at the sculls
boisterous
complexion
hideous
in an unostentatious manner
It was pouring with rain outside.
oblivion
precious
prophet
quaint
somehow or other
to assume
to beam
to blackmail
to explode with laughter
to madden smb.
to muse
to put an end to the matter
to roar
to steer
to surpass
to titter
to trespass
tumult

II. Give English equivalents for the following:

драгоценный, превзойти самого себя, пророк, вторгаться во владения, на веслах, незаметно, громко хохотать, странный, размышлять, шумливый (громогласный), шум (суматоха), править рулем, хихикать, сиять, так или иначе, мошенник.

III. Answer the following questions:

1) How did the day of the departure begin?
2) Did the friends have breakfast?
3) Did they invite any guests?
4) Was there much luggage to take with them?
5) How much did the friends pay for getting to Kingston?
6) What is Kingston famous for?
7) What had Harris looked forward to seeing from the first moment that the trip was proposed?
8) What did Harris think of George's work?
9) What trick did Harris perform when he was thirsty?
10) Who accused the friends of trespassing?
11) What was one of Harris's fixed ideas?
12) Could George play the banjo?
13) What did the German professor feel when performing the song? What kind of song was it? What was the reaction of the spectators? Did the spectators invite the professor on purpose? What kind of purpose was it?

IV. Paraphrase or explain:

1) The weather is a thing that is beyond me altogether.
2) Each person has what he doesn't want and other people have what he does want.
3) ... they must have had very fair notions of the artistic and the beautiful, our great-great-grandfathers.
4) She was nuts on public houses, was England's Virgin Queen.

5) ... nobody at Waterloo ever does know where a train is going to start from or where a train when it does start is going to, or anything about it.
6) The river affords a good opportunity for dress.
7) ... the less taste a person has in dress, the more obstinate he always seems to be.
8) It is always best to let Harris have his head when he gets like this. Then he pumps himself out and is quiet afterwards.
9) It seems to me so shocking to see the precious hours of a man's life – being wasted in mere brutish sleep.

V. Speak on the following situations using the vocabulary given in brackets. Answer your groupmates' questions.

1) The "importance" of weather forecast.
(to come home soaked; with the sun pouring into the room; misleading; it was pouring with rain outside; prophet; somehow or other).

2) The departure.
(a good deal of luggage; a hamper; unprincipled; to catch sight of smb.; to starve; a funeral; the cheers of crowd; to put an end to the matter).

3) "Instructive" observations on carved oak and life in general.
(oak-panelled; to pay enormous prices; the most extraordinary lad; to keep smb. away from smth.; unnatural notions.).

4) Musings on antiquity.
(fair notions; the artistic; the prized treasures; a china dog; from somewhere or other; tapestry; descendants; to escape destruction).

5) The adventure in Hampton Court Maze.
(misleading; impostor; to treat smth. as an accident; to infuriate the mob; new to the business; to catch sight of smb.).

6) Dress on the river.
(a tangle of smth.; to afford an opportunity for smth.; complexion; to be vexed about smth.; to spoil).

7) The ideas of a “boating costume”.
(to go for a water picnic; to be dressed for smth.; ridiculous; to splash; a sign of relief; to have got on a dress suited to work).

8) Seeing tombstones: pro and contra.
(a recreation; the lack of enthusiasm for smth.; a restful scene; to learn against the wall; noble; to burst into tears; in broken-hearted tones; skulls; inscriptions .

9) Harris sings a comic song.
(beaming cheeriness; roar of laughter; to confuse smb.; to commence; to give smb. a treat).

10) “A high-class party” – listening to the German Professor’s performing.
(commonplace; to be beyond smb.; to titter; to roar; to surpass oneself; in an unostentatious manner; to swear at smb., a trying situation for smb).

11) Sum up Harris’s character taking into account the funniest episodes of the unit.
(at the skulls; to beam; to cheer oneself; to madden smb.; precious).

VI. Visualization. Choose a fragment from the book, study it and, working in groups, discuss how you would present it in film. Break the text down into important points and decide the shots you would need to film the sequence, and then create a storyboard or picture outline of the text. Use the information how to make a storyboard given under the letter A.

A. Filmmakers use storyboards to create picture outlines of scenes in a film. Each frame of the storyboard illustrates a key point in the drama, and the space under each frame space is used

for writing a short description of the action, the dialogue, and other details such as camera angles, sound effects, and music. The storyboard is essential in determining framing, angles, and many other choices, and just about all directors will storyboard most of their shots ahead of time in order to be sure that their ideas turn out the way they had intended. There is a legend that Hitchcock rarely looked through the lens of the camera for any of his films because he had storyboarded every shot so extensively that there simply was no need: he could see it all in pictures in front of him. Real storyboards are made by professional artists. Use the chart below to help you.

Chart 2. Storyboarding

Shot #	**What did you want to demonstrate?**	**What lines helped you see this?**
Shot # 1. Visualise the shot (make a schematic drawing)	I wanted to show the gloominess of the setting, which is like a cemetery or something.	"autumn of the year," "clouds hung oppressively low," "dreary tract of country"
Shot # 2. Visualise the shot (make a schematic drawing)	I wanted to show that the narrator has come upon a very sad and broken-down old house.	"bleak walls", "vacant eye-like windows," "rank sedges"
Shot # 3. Visualise the shot (make a schematic drawing)	The narrator is immediately repulsed by the house and I wanted to show his horrified reaction to it.	"a sense of insufferable gloom invaded my spirit"

B. Take turns presenting storyboards to the class and explain the reasons for your choices.

VII. Translator's corner. Compare the fragment from the original text of the book with two translations. What translator's decisions do you agree with and what would you like to improve?

"Speaking of comic songs and parties, reminds me of a rather curious incident at which I once assisted; which, as it throws much light upon the inner mental working of human nature in general, ought, I think, to be recorded in these pages. We were a fashionable and highly cultured party. We had on our best clothes, and we talked pretty, and were very happy all except two young fellows, students, just returned from Germany, commonplace young men, who seemed restless and uncomfortable, as if they found the proceedings slow. The truth was, we were too clever for them. Our brilliant but polished conversation, and our high-class tastes, were beyond them. They were out of place, among us. They never ought to have been there at all. Everybody agreed upon that, later on. We played *morceaux* from the old German masters. We discussed philosophy and ethics. We flirted with graceful dignity. We were even humorous – in a high-class way.

Somebody recited a French poem after supper, and we said it was beautiful; and then a lady sang a sentimental ballad in Spanish, and it made one or two of us weep – it was so pathetic.

And then those two young men got up, and asked us if we had ever heard Her Slossenn Boschen (who had just arrived, and was then down in the supper-room) sing his great German comic song.

None of us had heard it, that we could remember.

The young men said it was the funniest song that had ever been written, and that, if we liked, they would get Her Slossenn Boschen, whom they knew very well, to sing it. They said it was so funny that, when Herr Slossenn Boschen had sung it once before the German Emperor, he (the German Emperor) had had to be carried off to bed.

They said nobody could sing it like Her Slossenn Boschen; he was so intensely serious all through it that you might fancy he was reciting a tragedy, and that, of course, made it all the funnier. They said he never once suggested by his tone or manner that he was singing anything funny that would spoil it. It was his air of seriousness, almost of pathos, that made it so irresistibly amusing.

We said we yearned to hear it, that we wanted a good laugh; and they went downstairs, and fetched Herr Slossenn Boschen.

He appeared to be quite pleased to sing it, for he came up at once, and sat down to the piano without another word.

'Oh, it will amuse you. You will laugh,' whispered the two young men, as they passed through the room, and took up an unobtrusive position behind the Professor's back.

Herr Slossenn Boschen accompanied himself. The prelude did not suggest a comic song exactly. It was a weird, soulful air. It quite made one's flesh creep; but we murmured to one another that it was the German method, and prepared to enjoy it.

I don't understand German myself. I learned it at school, but forgot every word of it two years after I had left, and have felt much better ever since. Still, I did not want the people there to guess my ignorance; so I hit upon what I thought to be rather a good idea. I kept my eye on the two young students, and followed them. When they tittered, I tittered; when they roared, I roared; and I also threw in a little snigger all by myself now and then, as if I had seen a bit of humour that had escaped the others. I considered this particularly artful on my part.

I noticed, as the song progressed, that a good many other people seemed to have their eye fixed on the two young men, as well as myself. These other people also tittered when the young men tittered, and roared when the young men roared; and, as the two young men tittered and roared and exploded with laughter pretty continuously all through the song, it went exceedingly well.

And yet that German Professor did not seem happy. At first, when we began to laugh, the expression of his face was one of intense surprise, as if laughter were the very last thing he had

expected to be greeted with. We thought this very funny: we said his earnest manner was half the humour. The slightest hint on his part that he knew how funny he was would have completely ruined it all. As we continued to laugh, his surprise gave way to an air of annoyance and indignation, and he scowled fiercely round upon us all (except upon the two young men who, being behind him, he could not see). That sent us into convulsions. We told each other that it would be the death of us, this thing. The words alone, we said, were enough to send us into fits, but added to his mock seriousness oh, it was too much!

In the last verse, he surpassed himself. He glowered round upon us with a look of such concentrated ferocity that, but for our being forewarned as to the German method of comic singing, we should have been nervous; and he threw such a wailing note of agony into the weird music that, if we had not known it was a funny song, we might have wept.

He finished amid a perfect shriek of laughter. We said it was the funniest thing we had ever heard in all our lives. We said how strange it was that, in the face of things like these, there should be a popular notion that the Germans hadn't any sense of humour. And we asked the Professor why he didn't translate the song into English, so that the common people could understand it, and hear what a real comic song was like.

Then Herr Slossenn Boschen got up, and went on awful. He swore at us in German (which I should judge to be a singularly effective language for that purpose), and he danced, and shook his fists, and called us all the English he knew. He said he had never been so insulted in all his life.

It appeared that the song was not a comic song at all. It was about a young girl who lived in the Hartz Mountains, and who had given up her life to save her lover's soul; and he died, and met her spirit in the air; and then, in the last verse, he jilted her spirit, and went on with another spirit I'm not quite sure of the details, but it was something very sad, I know. Herr Boschen said he had sung it once before the German Emperor, and he (the German Emperor)

had sobbed like a little child. He (Herr Boschen) said it was generally acknowledged to be one of the most tragic and pathetic songs in the German language.

It was a trying situation for us very trying. There seemed to be no answer. We looked around for the two young men who had done this thing, but they had left the house in an unostentatious manner immediately after the end of the song.

That was the end of that party. I never saw a party break up so quietly, and with so little fuss. We never said good-night even to one another. We came downstairs one at a time, walking softly, and keeping the shady side. We asked the servant for our hats and coats in whispers, and opened the door for ourselves, and slipped out, and got round the corner quickly, avoiding each other as much as possible.

I have never taken much interest in German songs since then.”

Перевод М. Салье

В связи с куплетами и вечеринками я вспомнил один любопытный случай, которому я был свидетелем. Он бросает яркий свет на процесс человеческого мышления и потому, думается мне, должен быть упомянут в этой книге.

Нас собралось несколько человек, очень светских и высококультурных. Мы надели свои лучшие костюмы, вели тонкие разговоры и были очень довольны – все, кроме двух молодых студентов, только что вернувшихся из Германии. Это были самые обыкновенные юноши, и они чувствовали себя как-то беспокойно и неуютно, словно находя, что время тянется слишком медленно. Дело в том, что мы были для них чересчур умны. Наш блестящий, но утонченный разговор и наши изысканные вкусы были им недоступны. В нашей компании они были явно не к месту. Им вообще не следовало быть здесь. Впоследствии все пришли к этому выводу.

Мы играли произведения старинных немецких композиторов. Мы рассуждали о философии, об этике. Мы с изящным достоинством занимались флиртом. Мы даже острили – в светском тоне. После ужина кто-то прочитал французские стихи, и мы нашли их прекрасными. Потом одна дама спела чувствительную балладу по-испански, и некоторые из нас даже заплакали, до того она была трогательна.

И вдруг один из этих молодых людей поднялся и спросил, слышали ли мы когда-нибудь, как герр Шлоссен-Бошен (он только что приехал и сидел внизу в столовой) поет немецкую комическую песню. Никому из нас как будто не приходилось ее слышать. Молодые люди сказали, что это самая смешная песня на свете и что, если угодно, они попросят герра Шлоссен-Бошена, с которым они хорошо знакомы, спеть ее. Это такая смешная песня, что когда герр Шлоссен-Бошен спел ее германскому императору, его (германского императора) пришлось увести и уложить в постель.

Никто не может спеть эту песню так, как герр Шлоссен-Бошен, говорили они. Исполняя ее, герр Шлоссен-Бошен все время так глубоко серьезен, что может показаться, будто он играет трагедию, и от этого все становится еще смешнее. Он не показывает голосом или поведением, что поет что-то смешное, – это бы все испортило. Именно его серьезный, почти патетический тон и делает пение таким бесконечно забавным.

Мы заявили, что жаждем его услышать, что испытываем потребность в здоровом смехе. Молодые люди спустились вниз и привели герра Шлоссен-Бошена.

Он, по-видимому, был рад нам спеть, потому что пришел немедленно и, не говоря ни слова, сел за рояль.

– Вот-то будет забава! Вы посмеетесь, – шепнули нам молодые люди, проходя через комнату, и скромно заняли места за спиной профессора.

Герр Шлоссен-Бошен аккомпанировал себе сам. Вступление не предвещало особенно смешной песни. Это была медленная, полная чувства мелодия, от которой по спине пробегал холодок. Но мы шепнули друг другу, что это немецкий способ смешить, и приготовились наслаждаться.

Сам я не понимаю по-немецки. Я изучал этот язык в школе, но забыл все до последнего слова через два года после ее окончания и с тех пор чувствую себя значительно лучше. Все же я не хотел обнаружить перед присутствующими свое невежество. Поэтому я прибегнул к хитрой уловке: я не спускал глаз с молодых студентов и следовал их примеру. Когда они хихикали, я тоже хихикал, когда они хохотали, я тоже хохотал. Кроме того, я по временам слегка улыбался, словно отмечая смешную черточку, которой они не уловили. Этот прием я считал особенно удачным.

Через некоторое время я заметил, что многие из присутствующих, как и я, не сводили глаз с молодых людей. Они тоже хихикали, когда те хихикали, и хохотали, когда те хохотали. И так как эти молодые люди хихикали, хохотали и ржали почти непрерывно во время всей песни, дело шло замечательно.

Тем не менее, немецкий профессор не казался довольным. Сначала, когда мы захохотали, его лицо приняло крайне удивленное выражение, словно он меньше всего ожидал, что его пение встретят смехом. Мы сочли это очень забавным и подумали, что в серьезности профессора – половина его успеха. Малейший намек на то, что он знает, как он смешон, погубил бы все. Мы продолжали смеяться, и его удивление сменилось негодованием и досадой. Он окинул яростным взглядом нас всех, кроме тех двух студентов, которых он не видел, так как они сидели сзади. Тут мы прямо покатились со смеху. Мы говорили друг другу, что эта песня нас уморит. Одних слов было бы достаточно, чтобы довести нас до припадка, а тут еще эта притворная серьезность. Нет, это уже чересчур!

В последнем куплете профессор превзошел самого себя. Он опалил нас взглядом, полным такой сосредоточенной ярости, что, не будь мы предупреждены о германской манере петь смешные песни, нам бы стало страшно. В его странной мелодии зазвучал такой вопль страдания, что мы бы заплакали, если бы не знали, что песня смешная.

Когда профессор кончил, все прямо визжали от смеха. Мы говорили, что в жизни не слышали ничего смешнее этой песни. Нам казалось очень странным, что, несмотря на подобные песни, в публике существует мнение, будто немцы лишены чувства юмора. Мы спросили профессора, почему он не переведет эту песню на английский язык, чтобы все могли понимать слова и узнали бы, что такое настоящая комическая песня.

Тут герр Шлоссен-Бошен встал и разразился. Он ругал нас по-немецки (мне кажется, это исключительно подходящий язык для такой цели), приплясывал, потрясал кулаками и обзывал нас всеми скверными английскими словами, какие знал. Он говорил, что его еще никогда в жизни так не оскорбляли.

Оказалось, что эта песня вовсе не комическая. В ней говорилось про одну молодую девушку, которая жила в горах Гарца и пожертвовала жизнью, чтобы спасти душу своего возлюбленного. Он умер и встретил в воздухе ее дух, а потом, в последнем куплете, он изменил ее духу и удрал с другим духом. Я не совсем уверен в подробностях, но знаю, что это было что-то очень печальное. Герр Бошен сказал, что ему пришлось однажды петь эту песню в присутствии германского императора, и он (германский император) рыдал, как дитя. Он (герр Бошен) заявил, что эта песня вообще считается одной из самых трагических и чувствительных в немецкой музыкальной литературе.

Мы были в тяжелом, очень тяжелом положении. Отвечать, казалось, было нечего. Мы поискали глазами двух

молодых людей, которые нас так подвели, но они незаметным образом скрылись, едва только песня была окончена.

Таков был конец этого вечера. Я никогда не видел, чтобы гости расходились так тихо, без всякой суеты. Мы даже не попрощались друг с другом. Мы спускались вниз поодиночке, стараясь ступать бесшумно и придерживаясь неосвещенной стороны. Мы шепотом просили лакея подать нам пальто, сами открывали двери, выскальзывали и поскорее сворачивали за угол, избегая смотреть друг на друга.

С тех пор я уже никогда не проявлял особого интереса к немецким песням».

Перевод М. Донского и Э. Линецкой

«Я заговорил о комических куплетах и вечеринках, и мне вспомнилась одна прелюбопытная история, участником которой я был. Так как история эта проливает яркий свет на некие психологические процессы, свойственные человеческой натуре вообще, то она должна быть увековечена на этих страницах.

Собралось как-то небольшое общество вполне светских и интеллигентных людей. Все мы были прекрасно одеты, вели приятную беседу и чувствовали себя наилучшим образом – все, кроме двух юных студентов, недавно вернувшихся из Германии, совершенно заурядных молодых людей. Им было как-то не по себе – казалось, что они томятся, – а на самом деле мы были просто слишком умны для них. Наша блестящая, но чересчур изысканная беседа, наши утонченные вкусы были выше их понимания. В этом обществе они были не на месте; им вовсе не следовало быть среди нас. Впоследствии все это признали.

Мы играли фрагменты из произведений старинных немецких композиторов. Мы обсуждали философские и этические проблемы. Мы изящно ухаживали за дамами. И острили – необычайно тонко.

После ужина кто-то прочитал французское стихотворение, и оно привело нас в восторг; потом одна дама спела чувствительную балладу на испанском языке, и кое-кто из нас даже прослезился, – до того это было, трогательно.

И вдруг вышеупомянутые молодые люди осмелели и спросили, не приходилось ли нам слышать, как герр Слоссен-Бошен (который только что приехал и сидел внизу в столовой) поет одну восхитительную немецкую комическую песенку.

Насколько мы могли припомнить, нам этого слышать не приходилось. Молодые люди утверждали, что это была самая смешная песенка на свете и что, если мы хотим, то они попросят герра Слоссен-Бошена (с которым они хорошо знакомы) спеть нам ее. Это такая смешная песня, говорили они, что когда герр Слоссен-Бошен спел ее однажды в присутствии германского императора, его (германского императора) пришлось отнести в постель.

Они говорили, что никто не поет ее так, как герр Слоссен-Бошен. Во время исполнения он сохраняет такую торжественную серьезность, что можно подумать, будто он читает трагический монолог, и от этого все, конечно, становится еще более уморительным. Они говорили, что вы никогда не могли бы заподозрить ни по его голосу, ни по его поведению, что он поет нечто смешное, – этим он бы все испортил. Именно эта серьезность и даже некоторая торжественность и составляют всю прелесть его исполнения.

Мы сказали, что жаждем его услышать, что нам хочется всласть посмеяться, и они сбегали вниз и привели герра Слоссен-Бошена.

По-видимому, он ничего не имел против того, чтобы спеть, потому что немедленно пришел к нам наверх и, ни слова не говоря, сел за фортепиано.

«Ну, он вас сейчас распотешит! Уж вы посмеетесь», – шепнули нам молодые люди, проходя через комнату, чтобы занять скромную позицию за спиной профессора.

Герр Слоссен-Бошен аккомпанировал себе сам. Нельзя сказать, что вступление было очень подходящим для комических куплетов. Мелодия была какая-то мрачная и заунывная, от нее пробегали мурашки по коже. Но мы шепнули друг другу, что вот она – немецкая манера смешить, и приготовились ею наслаждаться.

По-немецки я не понимаю ни слова. Меня учили этому языку в школе, но, окончив ее, я уже через два года начисто все забыл и с тех пор чувствую себя гораздо лучше. Однако мне очень не хотелось обнаружить мое невежество перед присутствующими. Поэтому я придумал план, показавшийся мне очень остроумным. Я не спускал глаз со студентов и делал то же, что они. Они фыркали – и я фыркал, они смеялись – и я смеялся. Кроме того, время от времени я позволял себе хохотнуть, как если бы только я один заметил какие-то пикантные детали, ускользнувшие от других. Мне казалось это очень ловким приемом.

Я заметил, что во время пения многие из присутствующих, так же как и я, не спускали глаз с юных студентов. Когда студенты фыркали, они тоже фыркали, когда студенты хохотали, они тоже хохотали. А так как во время пения эти молодые люди непрерывно фыркали, хохотали и покатывались со смеху, то все шло наилучшим образом.

И, несмотря на это, немецкий профессор, казалось, был чем-то недоволен. Вначале, когда мы стали смеяться, на его лице отразилось крайнее удивление, как будто он ожидал всего чего угодно, но только не смеха. Нам это показалось очень забавным: мы решили, что в этой его невозмутимой серьезности и заключается самое смешное. Если он чем-нибудь выдаст, что понимает, как это смешно, – пропадет весь эффект. Мы продолжали смеяться, и его удивление сменилось выражением досады и негодования. Он свирепо посмотрел на всех нас (кроме тех двух молодых людей, которых он не мог видеть, потому что они сидели за его

спиной). Тут мы чуть не лопнули от смеха. Мы говорили, что эта штука нас уморит. Одних только слов, говорили мы, было бы довольно, чтобы довести нас до судорог, а тут еще эта шутовская серьезность, – нет, это уже слишком.

Во время исполнения последнего куплета он превзошел самого себя. Он сверкнул на нас таким лютым взглядом, что, не знай мы заранее немецкой манеры петь комические куплеты, мы бы испугались. Между тем он придал своей странной мелодии столько надрывней тоски, что, если бы мы не знали, какая это веселая песенка, мы бы зарыдали.

Он кончил под взрывы страшного хохота. Мы говорили, что в жизни не слышали ничего смешнее. И как только некоторые могут считать, удивлялись мы, что у немцев нет чувства юмора, когда существуют такие песенки. И мы спросили профессора, почему бы ему не перевести эту песенку на английский язык, чтобы все могли ее понимать и узнали бы, наконец, что такое настоящие комические куплеты.

И тут Слоссен-Бошен взорвался. Он ругался по-немецки (язык этот, по-моему, как нельзя более пригоден для подобной цели), он приплясывал, он размахивал кулаками, он поносил нас всеми ему известными английскими бранными словами. Он кричал, что никогда в жизни его еще так не оскорбляли.

Выяснилось, что его песня – вовсе не комические куплеты. В ней, видите ли, пелось о юной деве, которая обитала в горах Гарца и которая отдала жизнь ради спасения души своего возлюбленного. Он умер, и их души встретились в заоблачных сферах, а потом, в последней строфе, он обманул ее душу и улизнул с другой душой. Я не ручаюсь за подробности, но это наверняка было что-то очень грустное. Герр Бошен сказал, что он пел эту песню однажды в присутствии германского императора, и он (германский император) рыдал, как малое дитя. Он (герр Бошен) сказал,

что эта песня считается одной из самых трагических и трогательных немецких песен.

Мы оказались в ужасном, совершенно ужасном положении. Что тут можно сказать? Мы оглядывались, ища молодых людей, которые сыграли с нами эту штуку, но они незаметно ускользнули, как только пение прекратилось.

Вот как закончился этот вечер. Первый раз в жизни я видел, чтобы гости расходились так тихо и поспешно. Мы даже не простились друг с другом. Мы спускались поодиночке, ступали неслышно и старались держаться неосвещенной стороны лестницы. Мы шепотом просили лакея подать пальто и шляпу, сами открывали дверь, выскальзывали на улицу и быстро сворачивали за угол, по возможности избегая друг друга.

С тех пор я никогда не проявлял большого интереса к немецким песням».

UNIT 3 (CH. 9 – 11)

I. Read the assigned chapters with special attention to the use of the active vocabulary items provided below. Reproduce the situations in which the author used them in the text:

countenance
culinary arrangements
dismal
dusk
in the abstract
sleeping the sleep of the just
soul-revolting (- moving)
spirit-warning
tangle – entangle – disentangle
There was no rush for precedence
to anticipate
to ease smb.'s aching
to hail
to hit
to hitch
to huddle up
to make smb.'s mouth water
to take (no) notice of smb./smth.
to tow
to tuck in

II. Give English equivalents for the following:

лицо, сумерки, зацеплять, ожидать, приветствовать, ударять, получать удовольствие, прижиматься друг к другу, гнетущий (зловещий), облегчить боль, подоткнуть (одеяло).

III. Answer the following questions:

1) What kind of work was George introduced to?
2) What is Jerome's opinion of tow-lines in general?
3) What is the most exciting experience in connection with towing?
4) What happened to Wallingford lock ?
5) Was it an easy job to put up the canvas?
6) What is the only way to get a kettle to boil up the river ?
7) What is the danger about desert islands?
8) Did Jerome sleep well the whole night?
9) In what situation there was no rush for precedence?
10) What was accidentally jerked into the water?
11) What is the history of Magna Charta Island?
12) What can you say about Harris as a cook?

IV. Paraphrase or explain:

1) How good one feels when one is full, how satisfied with oneself and with the world!
2) ... after our supper we sat and beamed on one another and we beamed upon the dog too.
3) As there was no earthly necessity for our getting up under another two hours at the very least... it was only in keeping with the natural cussedness of things in general that we should both feel that lying down for five minutes more would be death to us.
4) It only wants a little determination.
5) George is very dense at seeing a joke.
6) There is something very strange and unaccountable about a towline.
7) There is never a dull moment in the boat while girls are towing it.

V. Speak on the following situations using the vocabulary given in brackets. Answer your groupmates' questions.

1) Funny incidents up the river in connection with towing.
(towline, a soul-revolting tangle, countenance, disentangle, deep in an absorbing conversation / an animated discussion, to give way to violent language, to get hitched).

2) The most exciting experience in connection with towing is being towed by girls.
(to get oneself tied up, to twist, to be strangled, at a dangerous pace, to hand out, to keep on steady).

3) The missing lock of the haunted river.
(to be anxious to get it, dusk, to take a view, to stretch, a soul-moving harmony, a spirit-warning, to hail, cold-sounding words of gratitude).

4) How to feel virtuous.
(to be full, well-digested, quarrelsome, snappy, to beam on one another, leading sober, peaceful lives, damp, not if properly drained).

5) How George, once upon a time, got up early in the morning.
(to wind up, a wicked shame of, dismal, redressing, with undisguised suspicion, rush in, march off, to be sentenced to).

6) Under canvas (the first night).
(to put up, in the abstract, to stretch the canvas over, an underestimate, sockets, to drown smb., to hit, tucked in and folded over, an appeal for help, to be black in the face).

7) A restless night.
(novelty, a cramped position, the sound of the lapping water, to swallow, stuffy, to step out, to ease our aching, goodly knights).

8) George and his shirt: story with a moral.
(accidentally, to jerk smth., to burst out laughing, to lose one's temper, to roar with laughter, dense, countenance).

9) George, Harris and Montmorency do not like the look of the cold water.
(to poke one's head out, to shiver, to spring, less tempting, there was no rush for precedence, did not relish the plunge).

10) Historical retrospect.
(to witness, board and lodging, to step forth/upon, to cast a hurried glance, to wait in breathless silence).

VI. Visualization activities. Sound dub.

A. Watch a fragment of Part 2 of the Russian film «Трое в лодке, не считая собаки» («Ленфильм», 1979) entitled «В Хэмптон-Кортском лабиринте» from 17 up to 29 minute.

B. Write the transcript of the fragment. Prepare its translation paying special attention to

- the speaking style and emotions of the speaker
- idioms and culturally specific expressions
- the lip movements of the actor who is speaking.

C. Record your translation working together with your groupmates in a group. Groups take turns recording their translation. Play back the recordings together with the film fragment, with the sound on the recording turned up, and the sound on the video turned down. After you have played all recordings, give the feedback on the translations.

VII. Translator's corner. Compare the fragment from the original text of the book with two translations. What translator's decisions do you agree with and what would you like to improve?

"Then we pulled up the canvas, and all four of us poked our heads out over the off-side, and looked down at the water and shivered. The idea, overnight, had been that we should get up

early in the morning, fling off our rugs and shawls, and, throwing back the canvas, spring into the river with a joyous shout, and revel in a long delicious swim. Somehow, now the morning had come, the notion seemed less tempting. The water looked damp and chilly: the wind felt cold.

'Well, who's going to be first in?' said Harris at last.

There was no rush for precedence. George settled the matter so far as he was concerned by retiring into the boat and pulling on his socks. Montmorency gave vent to an involuntary howl, as if merely thinking of the thing had given him the horrors; and Harris said it would be so difficult to get into the boat again, and went back and sorted out his trousers.

I did not altogether like to give in, though I did not relish the plunge. There might be snags about, or weeds, I thought. I meant to compromise matters by going down to the edge and just throwing the water over myself; so I took a towel and crept out on the bank and wormed my way along on to the branch of a tree that dipped down into the water.

It was bitterly cold. The wind cut like a knife. I thought I would not throw the water over myself after all. I would go back into the boat and dress; and I turned to do so; and, as I turned, the silly branch gave way, and I and the towel went in together with a tremendous splash, and I was out mid-stream with a gallon of Thames water inside me before I knew what had happened.

'By Jove! old J. s gone in,' I heard Harris say, as I came blowing to the surface.' I didn't think he'd have the pluck to do it. Did you?'

'Is it all right?' sung out George.

'Lovely,' I spluttered back. 'You are duffers not to come in. I wouldn't have missed this for worlds. Why won't you try it? It only wants a little determination.'

But I could not persuade them.

Rather an amusing thing happened while dressing that morning. I was very cold when I got back into the boat, and, in my hurry to get my shirt on, I accidentally jerked it into the water. It

made me awfully wild, especially as George burst out laughing. I could not see anything to laugh at, and I told George so, and he only laughed the more. I never saw a man laugh so much. I quite lost my temper with him at last, and I pointed out to him what a drivelling maniac of an imbecile idiot he was; but he only roared the louder. And then, just as I was landing the shirt, I noticed that it was not my shirt at all, but Georges, which I had mistaken for mine; whereupon the humour of the thing struck me for the first time, and I began to laugh. And the more I looked from Georges wet shirt to George, roaring with laughter, the more I was amused, and I laughed so much that I had to let the shirt fall back into the water again.

'Aren't you – you – going to get it out?' said George, between his shrieks.

I could not answer him at all for a while, I was laughing so, but, at last, between my peals I managed to jerk out:

'It isn't my shirt its *yours*!'

I never saw a man's face change from lively to severe so suddenly in all my life before.

'What!' he yelled, springing up. 'You silly cuckoo! Why can't you be more careful what you're doing? Why the deuce don't you go and dress on the bank? You're not fit to be in a boat, you're not. Gimme the hitcher.'

I tried to make him see the fun of the thing, but he could not. George is very dense at seeing a joke sometimes.

Перевод М. Салье

«Потом мы приподняли брезент, все четверо высунули наружу носы, поглядели на реку и задрожали. Накануне вечером мы предвкушали, как проснемся чуть свет, сбросим пледы и одеяла, скатаем брезент, кинемся в воду и предадимся долгой, упоительной оргии купанья, оглашая воздух восторженными криками. Но вот настало утро, и эта перспектива почему-то представилась нам совсем не такой

соблазнительной. Вода казалась слишком мокрой и холодной, а ветер пронизывал насквозь.

– Ну, кто первый? – выдавил из себя Гаррис.

Наплыва желающих не было. Что касается Джорджа, то он решил дело просто: скрылся в лодке и стал натягивать носки. Монморанси невольно начал подвывать, – видимо испытывая глубочайший ужас при одной лишь мысли о купанье. Гаррис же пробурчал, что потом будет чертовски трудно взобраться в лодку. Затем он спрятался под брезент и занялся поисками своих штанов.

Вообще говоря, идти на попятный не в моих правилах, но и нырять мне вовсе не хотелось. Еще, чего доброго, напорешься на корягу или увязнешь в иле. Поэтому я решился на компромисс: выйти на берег и просто обтереться холодной водой. Я взял полотенце, вылез из лодки, подошел к большому дереву и начал карабкаться по суку, нависшему над рекой.

Было зверски холодно. Дул пронзительный ледяной ветер. У меня сразу пропала охота обтираться. Мне захотелось вернуться в лодку и одеться, и я уже собирался это сделать, но, пока я собирался, дурацкий сук подломился, я и мое полотенце с оглушительным всплеском шлепнулись в реку, и я, с галлоном воды в желудке, очутился на середине Темзы раньше, чем сообразил, что, собственно, произошло.

– Боже правый! Старина Джей все-таки решился! – воскликнул Гаррис, и это было первое, что я услышал, когда всплыл на поверхность. – Вот уж не думал, что у него хватит духу! А ты, Джордж?

– Ну, как там, ничего? – крикнул Джордж.

– Восхитительно! – прохрипел я, пуская пузыри. – Вы просто олухи, что не хотите купаться. Ни за что на свете не упустил бы такого случая. Почему вам не попробовать? Будьте мужчинами, решайтесь!

Но убедить их мне не удалось.

Наше одевание ознаменовалось весьма занятным происшествием. Когда я, наконец, влез в лодку, у меня зуб на зуб не попадал, и я так спешил натянуть рубашку, что впопыхах уронил ее в воду. Я пришел в дикую ярость, особенно когда Джордж разразился хохотом. По-моему, ничего смешного тут не было, и я сказал об этом Джорджу, но он захохотал еще пуще. Я отродясь не видел, чтобы человек так веселился. В конце концов я потерял терпение и сообщил ему, что он полоумный маньяк и жалкий оболтус, но он ржал все громче. И вот, выудив рубашку из воды, я вдруг обнаружил, что рубашка-то вовсе не моя, а Джорджа, и что я по ошибке схватил ее вместо своей; тут я впервые оценил комизм положения и теперь уже начал смеяться сам. И чем дольше я смотрел на помиравшего со смеху Джорджа, тем больше веселился и под конец начал хохотать так, что злополучная рубашка опять полетела в воду.

– Что же ты… что же ты… не вытаскиваешь ее? – спросил Джордж, давясь от смеха.

Я так смеялся, что долго не мог произнести ни слова, но потом все-таки мне удалось выкрикнуть:

– Рубашка не моя… это твоя рубашка…

Мне никогда не приходило в голову, что человек может с такой быстротой перейти от необузданного веселья к мрачному негодованию.

– Что?! – заорал Джордж, вскакивая. – Остолоп несчастный! Не можешь ты быть поосторожнее, что ли? Какого черта ты не пошел одеваться на берег? Такому разине не место в лодке! Давай сюда багор!

Тщетно пытался я обратить его внимание на смешную сторону этого происшествия. Джордж порою бывает чертовски туп и не понимает шуток».

Перевод М. Донского и Э. Линецкой

Потом мы приподняли брезент, все четверо высунули наружу носы, поглядели на реку и затряслись мелкой дрожью. Накануне вечером мы предвкушали, как проснемся чуть свет, сбросим пледы и одеяла, скатаем брезент, кинемся в воду и предадимся долгой, упоительной оргии купанья, оглашая воздух восторженными кликами. Но вот настало утро, и эта перспектива почему-то представилась нам совсем не такой соблазнительной. Вода казалась слишком мокрой и холодной, а ветер пронизывал насквозь.

– Ну, кто первый? – выдавил из себя Гаррис.

Наплыва желающих не было. Что касается Джорджа, то он решил дело просто: скрылся в лодке и стал натягивать носки. Монморанси невольно начал подвывать, -- видимо, испытывая глубочайший ужас при одной лишь мысли о купанье. Гаррис же пробурчал, что потом будет чертовски трудно взобраться в лодку. Затем он спрятался под брезент и занялся поисками своих штанов.

Вообще говоря, идти на попятный не в моих правилах, но и нырять мне тоже не хотелось. Еще, чего доброго, напорешься на корягу или увязнешь в иле. Поэтому я решился на компромисс: выйти на берег и просто обтереться холодной водой. Я взял полотенце, вылез из лодки, подошел к большому дереву и начал карабкаться по суку, нависшему над рекой.

Было зверски холодно. Дул пронзительный ледяной ветер. У меня сразу пропала охота обтираться. Мне захотелось вернуться в лодку и одеться, и я уже собирался это сделать, но пока я собирался, дурацкий сук подломился, я и мое полотенце с оглушительным всплеском шлепнулись в реку, и я, с галлоном воды в желудке, очутился на середине Темзы раньше, чем сообразил, что, собственно, произошло.

– Ух ты! Старина Джей все-таки отважился! – воскликнул Гаррис, и это было первое, что я услышал, когда

всплыл на поверхность. – Вот уж не думал, что у него хватит духу! А ты, Джордж?

– Ну, как там, ничего? – крикнул Джордж.

– Роскошно! – прохрипел я, пуская пузыри. – Вы просто олухи, что не хотите купаться. Ни за что на свете не упустил бы такого случая. Почему вам не попробовать? Будьте мужчинами, решайтесь!

Но убедить их мне не удалось.

Во время одевания случилось презабавное происшествие.

Когда я, наконец, влез в лодку, у меня зуб на зуб не попадал, и я так спешил натянуть рубашку, что впопыхах уронил ее в воду. Я пришел в дикую ярость, особенно когда Джордж расхохотался. По-моему, ничего смешного тут не было, и я сказал об этом Джорджу, но он захохотал еще пуще. Отродясь не видел, чтобы человек так веселился. В конце концов я потерял терпение и сообщил ему, что он полоумный маньяк и жалкий идиот, но он ржал все громче и громче. И вот, выудив рубашку из воды, я вдруг обнаружил, что рубашка-то вовсе не моя, а Джорджа, и что я по ошибке схватил ее вместо своей; тут я впервые оценил комизм положения, и теперь уже начал смеяться сам. И чем дольше я смотрел на помиравшего со смеху Джорджа, тем больше веселился и под конец начал хохотать так, что злополучная рубашка опять полетела в воду.

– Что же ты... что же ты... не вытаскиваешь ее? –

спросил Джордж, давясь от смеха.

Я так смеялся, что сперва слова не мог сказать, но потом все-таки выговорил:

– Да это же не моя рубашка... Это твоя!

Мне в жизни не доводилось видеть столь быстрой смены выражений на человеческом лице--от бурного веселья к мрачному негодованию.

– Что?!--заорал Джордж, вскакивая.

– Остолоп несчастный! Не можешь ты быть поосторожнее, что ли? Какого черта ты не пошел одеваться на берег? Такому разине не место в лодке! Давай сюда багор!

Тщетно пытался я обратить его внимание на смешную сторону этого происшествия. Джордж порою бывает чертовски туп и не понимает шуток.

UNIT 4 (CH. 12 – 14)

I. Read the assigned chapters with special attention to the use of the active vocabulary items provided below. Reproduce the situations in which the author used them in the text:

a row
blatant
conjure up
disreputable-looking
every little helps
for some reason or other
in the disguise of smb.
in vigorous style
odds and ends
on the whole
shriek
such an undertaking
to be on the safe side
to be short of smth.
to be vexed
to cast a gloom over smth.
to fetch
to grow reckless
to growl
to hamper the world's progress
to hinder
to howl
to receive a shock
to row
to soothe the nerves
yell
yelp

II. Give English equivalents for the following:

взвизгивать, пронзительный крик, становиться отчаянным, быть раздражительным, энергично, вопиющий, рычать, негодяй, выть, в обличии.

III. Answer the following questions:

1) What is interesting about the friends' first trip up the river?
2) Who rescued the friends?
3) What had cast a gloom over the boat?
4) What happened to a man going up a mountain in Switzerland?
5) What is the most thrilling sensation Jerome had known?
6) Why were the three old fishers vexed?
7) What is the subject on which Jerome and Montmorency have serious difference of opinion?
8) What did the travellers do when they found that they were short of water?
9) What was the most painstaking stage in cooking an Irish stew?
10) How did Harris feel after supper?
11) When did George and Jerome find the boat?

IV. Paraphrase or explain:

1) One makes ... extravagant offers in moments of excitement, but, of course, when one comes to think of it, one sees how absurdly out of proportion they are with the value of the required article.
2) It was George's straw hat that saved his life that day.
3) Fox-terriers are born with about four times as much original sin in them as other dogs are.
4) Our departure from Marlow I regard as one of our greatest successes.

5) I do hate steam-launches: I suppose every rowing man does.
6) ... it was during this lunch that George and I received rather a trying shock.
7) Fancy giving up all that for five shillings a year.
8) Montmorency had a fight with the kettle during tea-time and came off a poor second.
9) There is, it must be confessed, something very sad about the early efforts of an amateur in bagpipes.
10) There was an unaccountable strangeness about Harris. It was something more than ordinary tiredness.

V. Speak on the following situations using the vocabulary given in brackets. Answer your groupmates' questions.

1) Disadvantages of living in the same house with a pair of lovers.
(full of interest in, to edge up to the door, a civilised community, to poke one's nose into, stroll out, huddled up, a trying time for the English nation).

2) Recollections of the first trip up the river
(honeysuckle, to manage smth., to pick up things, can't help doing smth., in the disguise of, to put smb. up, to be uppish, suggestive of smth., a room to spare).

3) A fearful battle with the pine-apple tin.
(to smile at smb., to turn out everything, to cut oneself badly, hitcher, a mocking grin, exaggerations).

4) Montmorency's opinion of cats.
(to stoop down, in vigorous style, original sin, to row with cats, disreputable-looking, to trot, an unimportant position).

5) Shameful conduct of a fox-terrier at the Store.
(to reign, chained up, judging from smth., without a word of warning, a yelp, a contest with smb., the din was terrific, disgraceful, savage).

6) The steam-launch: useful recipes for annoying and hindering it.
(blatant, the evil instinct in one's nature, sufficient, without appearing boastful, in the distance, shriek, to get nervous and confused, a mechanical monstrosity).

7) Strange disappearance of Harris and a pie.
(to receive a shock, the water's edge, a bit of hedge, to gaze, to descend to the commonplace and practicable, an earthquake, our blood froze in our veins, to bear an expression of great indignation).

8) What can be done up the river in the ways of cooking?
(remains, general odds and ends, an undertaking, lightheartedness, to make a fellow in a mess, nothing was wasted, to be on the safe side, to hamper the world's progress, nourishing, for a weak stomach).

9) Difficulties in the way of the musical amateur.
(to object, to soothe the nerves, to howl, to postpone, disheartening, an amateur in smth., to go out for a stroll, a person of mere average intellect).

10) A remarkable story about Harris and the swans.
(the time slopped by, to conjure up, no response, a night's lodging, to think of ghosts, to send up a yell, an unaccountable strangeness about smb., a fearful battle, to drag smb. out, to drown, to have a vague recollection).

VI Visualization activities. Making comparisons. Book to film.

Watch the first 30 minutes of the BBC film "Three men in a boat to say nothing of the dog" (1975, directed by Stephen Frears, script by Tom Stoppard). Think about similarities and differences between the film and the book. Work in pairs and complete the worksheet with information about the book and the first thirty minutes of the film. Do you think you would feel differently if you had seen the film first and then read the book? Why or why not?

	Book	**Film**
Characters Are there any differences in the number or names of the main characters?		
Dress and appearance What differences do you notice in the way the characters are dressed and look like?		
Behaviour What difference do you notice in the behaviour of the main characters?		
Location, setting What differences do you notice in the location? Did the setting look differently from what you had imagined?		
Colours Is there a difference in the colours used in the book descriptions and in the film?		
Storyline Are there any differences in the storyline?		
Ending What differences do you see in the end of the scene or scenes you watched?		

VII. Translator's corner. Compare the fragment from the original text of the book with two translations. What translator's decisions do you agree with and what would you like to improve?

A fragment from the original text

"It was still early when we got settled, and George said that, as we had plenty of time, it would be a splendid opportunity to try a good, slap-up supper. He said he would show us what could be done up the river in the way of cooking, and suggested that, with the vegetables and the remains of the cold meat and general odds and ends, we should make an Irish stew.

It seemed a fascinating idea. George gathered wood and made a fire, and Harris and I started to peel the potatoes. I should never have thought that peeling potatoes was such an undertaking. The job turned out to be the biggest thing of its kind that I had ever been in. We began cheerfully, one might almost say skittishly, but our light-heartedness was gone by the time the first potato was finished. The more we peeled, the more peel there seemed to be left on; by the time we had got all the peel off and all the eyes out, there was no potato left at least none worth speaking of. George came and had a look at it – it was about the size of a pea-nut. He said:

'Oh, that won't do! You're wasting them. You must scrape them.'

So we scraped them, and that was harder work than peeling. They are such an extraordinary shape, potatoes all bumps and warts and hollows. We worked steadily for five-and-twenty minutes, and did four potatoes. Then we struck. We said we should require the rest of the evening for scraping ourselves.

I never saw such a thing as potato-scraping for making a fellow in a mess. It seemed difficult to believe that the potato-scrapings in which Harris and I stood, half smothered, could have come off four potatoes. It shows you what can be done with economy and care.

George said it was absurd to have only four potatoes in an Irish stew, so we washed half-a-dozen or so more, and put them in without peeling. We also put in a cabbage and about half a peck of peas. George stirred it all up, and then he said that there seemed to be a lot of room to spare, so we overhauled both the hampers, and picked out all the odds and ends and the remnants, and added them to the stew. There were half a pie and a bit of cold boiled meat left, and we put them in. Then George found half a tin of potted salmon, and he emptied that into the pot.

He said that was the advantage of Irish stew: you got rid of such a lot of things. I fished out a couple of eggs that had got cracked, and put those in. George said they would thicken the gravy.

I forget the other ingredients, but I know nothing was wasted; and I remember that, towards the end, Montmorency, who had evinced great interest in the proceedings throughout, strolled away with an earnest and thoughtful air, reappearing, a few minutes afterwards, with a dead water-rat in his mouth, which he evidently wished to present as his contribution to the dinner; whether in a sarcastic spirit, or with a genuine desire to assist, I cannot say.

We had a discussion as to whether the rat should go in or not. Harris said that he thought it would be all right, mixed up with the other things, and that every little helped; but George stood up for precedent. He said he had never heard of water-rats in Irish stew, and he would rather be on the safe side, and not try experiments.

Harris said:

‘If you never try a new thing, how can you tell what it’s like? It’s men such as you that hamper the world’s progress. Think of the man who first tried German sausage!’

It was a great success, that Irish stew. I don’t think I ever enjoyed a meal more. There was something so fresh and piquant about it. One’s palate gets so tired of the old hackneyed things: here was a dish with a new flavour, with a taste like nothing else on earth.

And it was nourishing, too. As George said, there was good stuff in it. The peas and potatoes might have been a bit softer, but we all had good teeth, so that did not matter much: and as for the gravy, it was a poem – a little too rich, perhaps, for a weak stomach, but nutritious.

We finished up with tea and cherry tart. Montmorency had a fight with the kettle during tea-time**,** and came off a poor second».

Перевод М. Салье

«Когда мы устроились, было еще рано, и Джордж сказал, что раз у нас так много времени, нам представляется великолепный случай устроить шикарный, вкусный ужин. Он обещал показать нам, что можно сделать на реке в смысле стряпни, и предложил приготовить из овощей, холодного мяса и всевозможных остатков ирландское рагу.

Мы горячо приветствовали эту идею. Джордж набрал хворосту и разжег костер, а мы с Гаррисом принялись чистить картошку. Я никогда не думал, что чистка картофеля – такое сложное предприятие. Это оказалось самым трудным делом, в каком я когда-либо участвовал. Мы начали весело, можно даже сказать – игриво, но все наше оживление пропало к тому времени, как была очищена первая картофелина. Чем больше мы ее чистили, тем больше на ней было кожицы; когда мы сняли всю кожу и вырезали все глазки, от картофелины не осталось ничего достойного внимания. Джордж подошел и посмотрел на нее.

Она была не больше лесного ореха. Джордж сказал:

– Это никуда не годится. Вы губите картофель. Его надо скоблить.

Мы принялись скоблить, и это оказалось еще труднее, чем чистить. У них такая удивительная форма, у этих картофелин. Сплошные бугры, впадины и бородавки. Мы прилежно трудились двадцать пять минут и очистили четыре штуки. Потом мы забастовали. Мы заявили, что нам понадобится весь вечер, чтобы очиститься самим.

Ничто так не пачкает человека, как чистка картофеля. Трудно поверить, что весь тот мусор, который покрывал меня и Гарриса, взялся с каких-то четырех картофелин. Это показывает, как много значат экономия и аккуратность.

Джордж сказал, что нелепо класть в ирландское рагу только четыре картошки, и мы вымыли еще штук пять-шесть и бросили их в котел неочищенными. Мы также положили туда кочан капусты и фунтов пять гороху.

Джордж смешал все это и сказал, что остается еще много места. Тогда мы перерыли обе наши корзины, выбрали оттуда все объедки и бросили их в котел.

У нас оставалось полпирога со свининой и кусок холодной вареной грудинки, а Джордж нашел еще полбанки консервированной лососины. Все это тоже пошло в рагу.

Джордж сказал, что в этом главное достоинство ирландского рагу: сразу избавляешься от всего лишнего. Я выудил пару разбитых яиц, и мы присоединили их к прочему. Джордж сказал, что соус станет от них гуще. Я уже забыл, что мы еще туда положили, но знаю, что ничто не пропало даром.

Под конец Монморенси, который проявлял большой интерес ко всей этой процедуре, вдруг куда-то ушел с серьезным и задумчивым видом. Через несколько минут он возвратился, неся в зубах дохлую водяную крысу. Очевидно, он намеревался предложить ее как свой вклад в общую трапезу. Было ли это издевкой, или искренним желанием помочь – мне неизвестно.

У нас возник спор, стоит ли пускать крысу в дело. Гаррис сказал, почему бы и нет, если смешать ее со всем остальным: каждая мелочь может пригодиться. Но Джордж сослался на прецедент: он никогда не слышал, чтобы в ирландское рагу клали водяных крыс, и предпочитает воздержаться от опытов.

Гаррис сказал:

– Если никогда не испытывать ничего нового, как же узнать, хорошо оно или плохо? Такие люди, как ты, тормозят

прогресс человечества. Вспомни о немце, который первым сделал сосиски.

Наше ирландское рагу имело большой успех. Я, кажется, никогда ничего не ел с таким удовольствием. В нем было что-то такое свежее, острое. Наш язык устал от старых избитых ощущений; перед нами было новое блюдо, не похожее вкусом ни на какое другое.

Кроме того, оно было очень сытно. Как выразился Джордж, материал был неплохой. Правда, картофель и горох могли бы быть помягче, но у всех у нас были хорошие зубы, так что это не имело значения. Что же касается соуса, то это была целая поэма. Быть может, он был слишком густ для слабого желудка, но зато питателен.

Мы закончили ужин чаем и пирогом с вишнями, а Монморенси вступил в бой с чайником и вышел из него побежденным».

Перевод М. Донского и Э. Линецкой

«Когда мы там устроились, было совсем рано, и Джордж сказал, что, так как до вечера еще далеко, нам представляется превосходный случай приготовить неслыханно роскошный ужин. Он сказал, что продемонстрирует нам высший класс речной кулинарии, и предложил состряпать из овощей, остатков холодной говядины и всяких завалящих кусочков – баранье рагу по-ирландски.

Мысль показалась нам гениальной. Джордж набрал хворосту и развел костер, а мы с Гаррисом принялись чистить картошку. Мне никогда и в голову не приходило, что чистка картошки – такое сложное предприятие. Это была грандиознейшая в своем роде задача, какая когда-либо выпадала на мою долю.

Мы взялись за дело весело, можно даже сказать – с энтузиазмом, но бодрость духа совершенно покинула нас к тому времени, когда мы покончили с первой картофелиной. Чем больше мы чистили, тем больше шелухи на ней оставалось,

когда же мы, наконец, счистили всю шелуху и вырезали все глазки, не осталось ничего от картофелины, – во всяком случае, ничего, заслуживающего упоминания. Джордж подошел и взглянул на нее: она была величиной с орешек.

Джордж сказал:

– Нет, так ничего не выйдет! Вы только портите картошку. Картошку нужно скоблить.

Мы начали скоблить, но оказалось, что скоблить еще труднее, чем чистить. У них такие фантастические формы, у этих картофелин, – сплошные бугры, впадины и бородавки. Мы усердно трудились двадцать пять минут и отскоблили четыре штуки. Тут мы забастовали. Мы сказали, что остаток вечера у нас уйдет на то, чтобы отскоблить самих себя. Я никак не думал, что скоблить картошку и валяться в грязи – это одно и то же. Трудно было поверить, что шелуха, покрывшая Гарриса и меня с ног до головы, происходит всего-навсего от четырех картофелин! Вот чего можно добиться с помощью экономии и усердия.

Джордж сказал, что класть в баранье рагу всего четыре картофелины просто нелепо, поэтому мы вымыли еще с полдесятка и сунули их в кастрюлю нечищеными. Мы добавили кочан капусты и фунтов десять гороха. Джордж все это перемешал и сказал, что остается еще пропасть места, и тогда мы обыскали обе корзины и высыпали в рагу все остатки, объедки и огрызки. У нас была еще половина мясного пудинга и кусок бекона; мы сунули их туда же. Потом Джордж нашел полбанки консервированной лососины и также бросил ее в кастрюлю.

Он сказал, что в этом и заключается преимущество ирландского рагу: можно избавиться от целой кучи ненужных вещей. Я выудил из корзины два треснувших яйца, и они тоже пошли в дело. Джордж сказал, что от яиц соус станет еще гуще.

Я уже позабыл остальные ингредиенты нашей стряпни; знаю только, что ничто не было упущено. Помню

еще, как в конце этой процедуры Монморанси, который проявлял ко всему происходящему величайший интерес, куда-то удалился с серьезным и задумчивым видом, а через несколько минут притащил в зубах дохлую водяную крысу. По-видимому, он хотел внести и свою лепту в наше пиршество, но что это было – насмешка или искреннее желание помочь, – я сказать не могу.

Разгорелся спор о том, класть крысу в рагу или не класть. Гаррис сказал, что, по его мнению, следует положить, так как среди всего прочего сойдет и крыса. Однако Джордж указывал на отсутствие прецедента. Он говорил, что никогда не слышал, чтобы в рагу по-ирландски клали водяных крыс, и что он, как человек осторожный, не склонен к экспериментам.

Гаррис сказал:

– Если ты не будешь пробовать ничего нового, то как ты узнаешь, что хорошо и что плохо? Вот такие субъекты, как ты, и тормозят мировой прогресс. Вспомни-ка о человеке, который впервые попробовал немецкую сосиску!

Наше рагу по-ирландски удалось на славу! Никогда в жизни еда не доставляла мне такого наслаждения. В этом рагу было что-то необычайно свежее и даже пикантное. Старые, избитые кушанья всем нам уже приелись, а тут было блюдо с таким букетом и вкусом, каких больше нигде не встретишь!

К тому же, оно было питательно. Как выразился Джордж, тут было что пожевать! Правда, горох и картошка могли бы быть и помягче, но зубы у нас у всех хорошие, так что это было несущественно. Что же касается соуса, то он сам по себе был целой поэмой – быть может, для слабых желудков несколько тяжеловатой, но зато содержательной.

В заключение мы пили чай с вишневым пирогом. Тем временем Монморанси открыл военные действия против чайника и был разбит наголову».

UNIT 5 (CH. 15 –19)

I. Read the assigned chapters with special attention to the use of the active vocabulary items provided below. Reproduce the situations in which the author used them in the text:

a conscientious fellow
a most disastrous precedent
a sturgeon
a trout
by unaccountable luck
damp
hang up
superfluous
the truth flashed across me
their delight knew no bounds
to abound
to abuse
to be reluctant
to blush
to cast a glance
to dodge up and down
to drift
to exaggerate
to haul
to jump to the conclusion
to know no bounds
to pour down with persistency
to roll/unroll
to set smth. in motion
to wander about
vigorous

II. Give English equivalents for the following:

двигаться взад-вперед, краснеть (от смущения), чрезмерный, обильный, сопротивляться, плыть по течению, влажный, привести в движение, подождите, бродить, увеличивать, их восторг не знал предела, преувеличивать.

III. Answer the following questions:

1) What can you say about Harris's bathing experience?
2) What is Reading famous for?
3) What is the story of the drowned woman?
4) Was the washing day a success? How much did the friends pay to the washerwoman?
5) What is the most important quality which a fisherman should possess?
6) What can break the monotony of the pull?
7) What kind of effect upon one's temper does the air of the river have?
8) What was Montmorency busy with in the town of Oxford?
9) When was George's comic song a success?
10) Did the friends enjoy their river trip?

IV. Paraphrase or explain:

1) In a boat I have always noticed that it is the fixed idea of each member of the crew that he is doing everything.
2) Sailing is a thing that wants knowledge and practice too...
3) ... we learned experience and they say that is always cheap at any price.
4) It was most annoying that manner in which these rowing boats get in the way of one's launch up the river; something ought to be done to stop it.
5) I don't know why it should be, but everybody is always so exceptionally irritable on the river.

6) We told each other that Nature was beautiful even in her tears.
7) I love to keep it by me; the idea of getting rid of it nearly breaks my heart.
8) Thus had she sinned in all things – sinned in living and in dying.
9) ... they were sure I should never make anything of a fisherman. I had not got a sufficient imagination.
10) The neighbourhood of the upper Thames is rich in Roman relics.

V. Speak on the following situations using the vocabulary given in brackets. Answer your groupmates' questions.

1) Early boating recollections.
(to be intimately acquainted with smb., superfluous, to be reluctant, to dodge up and down, a stiff breeze, to receive a blow, to be accustomed, to overtake, against ambition and uppishness) .

2) Punting experiences.
(ill-luck, to scramble out, to drift helplessly down, a novice at smth., to jump to the conclusion, their delight knew no bounds).

3) "Pleasures" of sailing.
(to hire a boat, to be out of sight, to unroll the sail, to fix smth. upside-down, to make matters worse, to offer any reasons, to succeed in arriving at smth., exhausting work, to creep forward, with great caution, to stretch out).

4) The art of fishing.
(a great fishing centre, to hang on, the Angler's Guide to the Thames, sufficient imagination, to require more play of fancy, more power of invention, without blushing, a gudgeon, a sturgeon, a conscientious fellow, never to exaggerate his hauls by more that twenty five percent).

5) The fisher story heard at the village inn.
(to wander round, to fascinate, a trout, good-sized, to be immensely amused, by unaccountable luck, astonishing, to marvel at smth., to come down with a crash, to shatter into pieces, plaster-of-Paris).

6) An accident at the lock.
(talking of locks reminds me of, to be crowded, to catch sight of smb., the truth flashed across me, to steal a side-glance at smth., to get fixed, to seize smth., a vigorous blow, to set the wretched machine in motion, to have no objection to smth., to be taken right way up).

7) The hired up-river boat, its beauties and advantages. The story of "The Pride of the Thames" with all the necessary arrangements.
(a double-skulling skiff, on the first catching sight of the object, he pointed out to us, on the part of smb., a Roman relic, the pre-glacial period).

8) Not a cheerful evening.
(to see smth. under all its different aspects, to be enthusiastic, a gipsy's life, to pour down with persistency, damp, not to battle any further against Fate, to put smb. in mind of smb./smth., a cripple for life, some pleasant chat, to fish out smth., the rich vein of sadness, state of depression).

9) The last of the trip.
(wrapped up in, to drift slowly down, expressing the sentiments for our friends and relations, a most disastrous precedent, to muse on the prospect, to cast a glance, shamed-looking, preventing our return, countenance, it glistened darkly in the wet, my hearty thanks).

VI. Visualization activities.

A. Watch the BBC film "Three men in a boat" up to the end. Is it necessary to design a remake of the film?

B. Design a remake of the film based on the book *Three men in a boat.* Imagine that you are film producers.

C. Working in groups of 3-4 students, you will have to write a plan for a remake of the film. You should use **worksheet 1** given below. Summarize your ideas shown in the worksheet and present them to the class. Be as creative as possible. You may want to experiment with different genres, additional humorous stories, and innovative approaches to character delineation.

Worksheet 1.

DESIGN THE REMAKE	
1. Original title. What is the original title of the film?	
2. Title of the remake. What title will you give the remake?	
3. Genre. What genre will it be? Musical? Romantic comedy? Detective? A thriller?	
4. Setting. Where and when will the story take place?	
5. Cast. What actors would you cast in the main roles?	
Main roles:	*Actors who would play them*
6. Theme music. What would you use for the theme music?	

D. Write a one-to-two page **treatment** for your proposed remake to show how you would treat the book in a screenplay. Which stories of the book are worth screening? Which of them will be easier to dramatise? Treatments can be written as a simple description or an outline. They generally use the present tense and give an account of the story with all the characters, actions, and scenes, but without dialogue or individual shots.

(Adapted from: Stempleski S., Tomalin B. Film. Oxford: Oxford University Press, 2003. PP. 60-62.)

VII. Translator's corner. Compare the fragment from the original text of the book with two translations. What translator's decisions do you agree with and what would you like to improve?

A fragment from the original text

"The neighbourhood of Streatley and Goring is a great fishing centre. There is some excellent fishing to be had here. The river abounds in pike, roach, dace, gudgeon, and eels, just here; and you can sit and fish for them all day.

Some people do. They never catch them. I never knew anybody catch anything, up the Thames, except minnows and dead cats, but that has nothing to do, of course, with fishing! The local fisherman's guide doesn't say a word about catching anything. All it says is the place is a good station for fishing; and, from what I have seen of the district, I am quite prepared to bear out this statement.

There is no spot in the world where you can get more fishing, or where you can fish for a longer period. Some fishermen come here and fish for a day, and others stop and fish for a month. You can hang on and fish for a year, if you want to: it will be all the same.

The Anglers Guide to the Thames says that jack and perch are also to be had about here, but there the Anglers Guide is

wrong. Jack and perch may be about there. Indeed, I know for a fact that they are. You can see them there in shoals, when you are out for a walk along the banks: they come and stand half out of the water with their mouths open for biscuits. And, if you go for a bathe, they crowd round, and get in your way, and irritate you. But they are not to be had by a bit of worm on the end of a hook, nor anything like it not they!

I am not a good fisherman myself. I devoted a considerable amount of attention to the subject at one time, and was getting on, as I thought, fairly well; but the old hands told me that I should never be any real good at it, and advised me to give it up. They said that I was an extremely neat thrower, and that I seemed to have plenty of gumption for the thing, and quite enough constitutional laziness. But they were sure I should never make anything of a fisherman. I had not got sufficient imagination.

They said that as a poet, or a shilling shocker, or a reporter, or anything of that kind, I might be satisfactory, but that, to gain any position as a Thames angler, would require more play of fancy, more power of invention than I appeared to possess.

Some people are under the impression that all that is required to make a good fisherman is the ability to tell lies easily and without blushing; but this is a mistake. Mere bald fabrication is useless; the veriest tyro can manage that. It is in the circumstantial detail, the embellishing touches of probability, the general air of scrupulous almost of pedantic veracity, that the experienced angler is seen.

Anybody can come in and say, ‘Oh, I caught fifteen dozen perch yesterday evening’; or ‘Last Monday I landed a gudgeon, weighing eighteen pounds, and measuring three feet from the tip to the tail.’

There is no art, no skill, required for that sort of thing. It shows pluck, but that is all.

No; your accomplished angler would scorn to tell a lie, that way. His method is a study in itself.

He comes in quietly with his hat on, appropriates the most comfortable chair, lights his pipe, and commences to puff in silence. He lets the youngsters brag away for a while, and then, during a momentary lull, he removes the pipe from his mouth, and remarks, as he knocks the ashes out against the bars:

‘Well, I had a haul on Tuesday evening that it’s not much good my telling anybody about.’

‘Oh! Why’s that?’ they ask.

‘Because I don’t expect anybody would believe me if I did’, replies the old fellow calmly, and without even a tinge of bitterness in his tone, as he refills his pipe, and requests the landlord to bring him three of Scotch, cold.

There is a pause after this, nobody feeling sufficiently sure of himself to contradict the old gentleman. So he has to go on by himself without any encouragement.

‘No,’ he continues thoughtfully; ‘I shouldn’t believe it myself if anybody told it to me, but it’s a fact, for all that. I had been sitting there all the afternoon and had caught literally nothing except a few dozen dace and a score of jack; and I was just about giving it up as a bad job when I suddenly felt a rather smart pull at the line. I thought it was another little one, and I went to jerk it up. Hang me, if I could move the rod! It took me half-an-hour half-an-hour, sir! to land that fish; and every moment I thought the line was going to snap! I reached him at last, and what do you think it was? A sturgeon! a forty pound sturgeon! taken on a line, sir! Yes, you may well look surprised…”

Перевод М. Салье

Окрестности Горинга и Стритли – излюбленное место рыболовов. Река изобилует щуками, плотвой, угрями, уклейкой, и можно целый день сидеть на берегу и удить.

Некоторые люди так и делают. Но у них ничего не ловится. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь поймал что-нибудь в Темзе, кроме пескарей и дохлых кошек, а эти создания явно не имеют отношения к рыбной ловле! Местный

«Путеводитель рыбака» ни слова не говорит о поимке рыбы. Он ограничивается замечанием, что Горинг – прекрасное место для рыбной ловли. Судя по тому, что мне пришлось видеть, я вполне готов поддержать это утверждение. Нет другого места на земле, где вы могли бы больше наслаждаться рыбной ловлей или удить в течение более долгого времени. Некоторые рыболовы приезжают сюда и удят весь день, другие остаются удить на месяц. Вы можете продлить это занятие и удить целый год – разницы не будет.

В «Спутнике рыболова на Темзе» сказано, что «здесь водятся щуки и Окуни». Да, щуки и окуни, может быть, и водятся в Темзе. Я даже наверное знаю, что это так. Гуляя по берегу, вы можете видеть их целые стаи. Они подплывают и высовываются из воды, раскрывая рот в надежде получить печенье. А когда вы купаетесь, они плотным кольцом окружают вас, мешают плавать и действуют на нервы. Но чтобы поймать их на крючок с червяком на конце или на что-нибудь подобное – этого не случается.

Сам я – неважный рыболов. Некогда я посвящал этому занятию много внимания, и дело, как мне казалось, шло хорошо. Но опытные рыбаки сказали, что из меня никогда не выйдет толку, и посоветовали мне отступиться. Они говорили, что я очень неплохо закидываю удочку и, видимо, обладаю большой смекалкой и совершенно достаточной врожденной леностью. Но, по их глубокому убеждению, рыбак из меня не получится. У меня слишком мало воображения.

Они говорили, что в роли поэта, автора уголовных романов, репортера или чего-нибудь в этом роде я, может быть, и добьюсь успеха. Но чтобы создать себе имя в качестве удильщика на Темзе, нужно больше, чем у меня, фантазии, больше способности к выдумке.

Многие считают, что от хорошего рыболова требуется только уменье легко, не краснея, врать. Но эта глубокое заблуждение. Голое вранье бесполезно – на это способен

любой новичок. Обстоятельные подробности, изящные правдоподобные штрихи, общее впечатление щепетильной, почти педантической правдивости – вот что характерно для опытного рыбака.

Каждый может войти и сказать: «Знаете, вчера вечером я поймал пятнадцать дюжин окуней», или: «В прошлый понедельник я вытащил пескаря весом в восемнадцать фунтов и длиной в три фута от головы до хвоста».

Для этого не требуется искусства или уменья. Это свидетельствует всего лишь о смелости.

Нет, настоящий рыбак не стал бы врать таким образом. Его система – это целая наука.

Он спокойно входит, не снимая шляпы, усаживается на самый удобный стул, закуривает трубку и молча пускает клубы дыма. Он дает молодежи вволю похвастаться и, воспользовавшись минутой тишины, вынимает трубку изо рта и говорит, выколачивая ее о решетку камина.

– Н-да... во вторник вечером мне удалось выловить такое, что, пожалуй, об этом не стоит и говорить.

– Почему? – восклицают все разом.

– Потому что, если я и расскажу, мне вряд ли поверят, – спокойно отвечает старик без тени горечи в голосе. Он снова набивает трубку и просит трактирщика принести ему три рюмки шотландской.

Наступает пауза; никто не чувствует в себе достаточной уверенности, чтобы оспаривать мнение старого джентльмена. Тому приходится продолжать, не дожидаясь поддержки.

– Нет, – говорит он задумчиво, – я бы и сам не поверил, если бы мне рассказали такое. Но, тем не менее, это факт. Я весь день просидел на берегу и не поймал буквально ничего – только несколько дюжин уклеек и штук двадцать щук. Я уже собирался бросить это дело, как вдруг чувствую, – удочку здорово дернуло. Я подумал, что это опять какая-нибудь мелочь, и хотел подсечь. И что же? Удочка ни туда, ни сюда. Мне потребовалось полчаса, – да-с, полчаса, – чтобы

вытащить эту рыбу, и каждую минуту я думал, что леса оборвется. Наконец я ее вытащил, и что же, вы думаете, это оказалось, Осетр!.. Сорок фунтов весом! Да-с, на удочку! Удивительно? Конечно».

Перевод М. Донского и Э. Линецкой

Окрестности Стритли и Горинга представляют собою крупный центр рыболовства. Рыбная ловля здесь процветает. Река в этих местах так и кишит щуками, окунями, пескарями, угрями и плотвой; вы можете сидеть и удить с утра до вечера.

Многие так и делают. Только им никогда ничего не удается поймать. Я еще ни разу не встречал человека, который выудил бы что-нибудь из Темзы, – если, конечно, не считать дохлых кошек и лягушек, но это, собственно говоря, уже не относится к рыболовству. Местный «Спутник рыболова» даже не заикается о возможности поймать какую-нибудь рыбешку. «Удобное местечко для рыбной ловли» – вот все сведения, которые можно из него почерпнуть, и я, на основании собственного опыта, могу подтвердить их справедливость.

В целом мире не сыщешь места, где удильщиков было бы больше, и они удили бы дольше. Иные рыболовы являются сюда и удят целый день, а некоторые здесь останавливаются и удят целый месяц. Если хотите, можете тут поселиться и удить целый год, – результат будет тот же.

«Руководство по рыбной ловле на Темзе» говорит, что «в этих местах ловятся также молодые щуки и окуни», но тут руководство ошибается. Щуки и окуни в этих местах действительно есть. Это непреложный факт, отлично мне известный. Они носятся целыми стаями; когда вы прогуливаетесь по берегу, они наполовину высовываются из воды, глядят на вас и разевают рты в ожидании хлебных крошек. Когда вы купаетесь, они толкутся вокруг, шныряют под ногами и выводят вас из терпения. Но чтобы они

«ловились» – будь то на червяка или еще каким-нибудь подобным способом, – нет уж, дудки!

Конечно, рыболов я неважный. В свое время я положил немало трудов, чтобы овладеть этим искусством, и, как мне казалось, добился заметных успехов. Однако знатоки сказали, что настоящего рыболова из меня не выйдет, и посоветовали бросить это дело. Они говорили, что у меня поразительно точный бросок, и за глаза хватит сообразительности, и что я в достаточной степени лодырь от природы. И все же они считали, что я никогда не добьюсь успеха в рыбной ловле. Для этого у меня не хватает воображения.

Они говорили, что я мог бы стать неплохим поэтом, автором бульварных романов, репортером или еще чем-нибудь в этом роде; но для того чтобы занять известное положение среди рыболовов на Темзе, требуется куда больше

фантазии, выдумки и изобретательности, чем у меня.

Кое у кого сложилось впечатление, что умения бессовестно и нахально врать вполне достаточно, чтобы стать выдающимся рыболовом, – это роковая ошибка. Простая, бесхитростная выдумка ничего не стоит; на нее способен любой желторотый юнец. Тщательная разработка деталей, тончайшие штрихи достоверности, убедительность и правдивость, граничащие с педантизмом, – вот признаки, по которым узнают бывалого рыболова.

Предположим, кто-нибудь войдет и скажет: «Слушайте, вчера вечером я наловил полторы сотни окуней», или: «В прошлый понедельник я вытащил пескаря весом в семнадцать фунтов и длиною в три фута».

Это бездарно, это не имеет ничего общего с искусством. Это свидетельствует о дерзости – и только.

Нет, уважающий себя рыболов гнушается подобной грубой ложью. Его метод заслуживает внимательного изучения.

Он преспокойно входит, не снимая шляпы, выбирает себе кресло поудобнее, набивает трубку и, ни слова не

говоря, начинает курить. Снисходительно выслушав похвальбу новичков и дождавшись паузы, он вынимает трубку изо рта, выколачивает золу о каминную решетку и замечает:

«Ладно, о том, что я поймал во вторник вечером, лучше никому и не рассказывать».

«Да почему же?» – спрашивают его.

«Да потому, что мне все равно никто не поверит», – спокойно отвечает он, без малейшего оттенка горечи в голосе. Потом он вновь набивает трубку и заказывает хозяину тройную порцию шотландского виски со льдом.

После этого наступает молчание; никто не решается возражать столь почтенному джентльмену. Теперь он может рассказывать, не опасаясь, что его прервут.

«Нет, – задумчиво продолжает он, – я бы и сам не поверил, расскажи мне кто-нибудь такую историю, но, тем не менее, это факт! Я сидел с полудня до вечера и абсолютно ничего не поймал; полсотни подлещиков и десятка два щучек, разумеется, в счет не идут. Я уже решил, что клев никуда не годится, и хотел бросить, как вдруг чувствую: кто-то здорово рванул лесу.

Я подумал, что это опять какая-нибудь мелочь, и дернул. Пусть меня повесят, если удилище подалось хоть на дюйм! Ушло целых полчаса – полчаса, сэр! – пока мне удалось справиться с этой рыбиной, и каждую секунду я ожидал, что удилище переломится! Наконец я вытащил ее, и как вы думаете, что это было? Осетр! Сорокафунтовый осетр! Попался на крючок, сэр! Да, сэр, я понимаю ваше удивление!..».

UNIT 6.

The Summary up class

I. Revise active vocabulary to get ready for the overall vocabulary check-up quiz.

II. Speak on the following topics. Answer your groupmates' questions.

1. Jerome K. Jerome's literary career and the reasons of the great popularity of "Three men in a boat".
2. A character sketch of George. Use the following chart to help you outline your presentation.

Character sketch

Name of character	
Physical appearance What does the character look like? Do these physical features help the viewer to understand the character? If so, why?	
Actions What does the character do in the story? How do these actions affect the viewer's understanding of the character?	
Interactions with other characters How does the character interact with other characters in the story? What do these reactions reveal about the character? In what situations is the 'real self' of the character revealed to its utmost?	

Motivation What does the character think about the situation around him? How do the character's thoughts affect what we know about the character?	

3. A character sketch of Harris. Rely on the chart given in topic 2.

4. A "character sketch" of Montmorency. Rely on the chart given in topic 2.

5. Jerome as a character of the book.

6. Nature as a structural item of the book. What is the function of the descriptions of nature?

7. The geography of the trip. Why was that particular route chosen? Why did Jerome choose a travelogue structure for the story?

8. Jerome's attitude to the past times and historical characters. The importance of historical pages of the book.

9. The funniest episodes of the book, which can be retold as anecdotes.

10. Humour as the main plot-making principle of the book.

Статья для перевода с русского языка на английский Джером К. Джером «Трое в лодке, не считая собаки»: секрет успеха

Юмористическая повесть Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» (1889) пользуется популярностью среди читателей уже второе столетие. В повести отсутствует психологический анализ, в ней нет философских открытий или социального критицизма, содержательный аспект не обладает глубокой смысловой нагрузкой, а форма подачи материала не является новаторской. Что же сделало эту повесть столь востребованной среди многих поколений

читателей? Попробуем ответить на этот вопрос, рассмотрев жанровую и содержательную специфику произведения в контексте английской культурной и литературной традиций, интертекстуально обогащающих данный текст.

Повесть как прозаический жанр небольшого объема занимает промежуточное место между романом и рассказом. Сюжет любой повести сосредоточен вокруг образа главного героя, который принимает участие в ряде событий, вовлекающих в повествование небольшое количество других персонажей. Повествование сконцентрировано на узком временном и пространственном промежутке. В юмористической повести герои вовлекаются в смешные ситуации, главная цель которых – рассмешить читателя. Для читателя – это возможность увидеть обычные вещи в необычном юмористическом освещении, для писателя – активировать свое чувство юмора и подыскать особые выразительные средства, придающие повествованию комический эффект.

Но повесть Джерома К. Джерома – это не просто демонстрация таланта рассказчика-юмориста. Это переработка традиции, пародийное переосмысление серьезных и не очень серьезных жанров и тем, главная из которых – тема путешествия. Данная тема была многократно и успешно использована английскими классиками 18-19 веков, среди которых Д. Дефо и Дж. Свифт, Г. Филдинг и Л. Стерн, Дж. Г. Байрон и Ч. Диккенс, и многие другие. Герои самых известных английских юмористических произведений о путешествиях имели ряд типологических характеристик: странные, чудаковатые, неприспособленные к жизни, но невероятно оптимистически настроенные. Такими были мистер Пиквик из романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквиккского клуба» или пастор Йорик из романа Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии».

Такими героями являются и «праздные путешественники» Джерома. Решив поправить здоровье, они отправляются в лодочное путешествие вниз по течению Темзы.

Их скромный вояж состоит из бесконечных забавных ситуаций, в которые они попадают по собственной наивности и бездумности, которые не трактуются как их недостатки, а скорее являются их достоинствами, обеспечивающими жизнь каждодневным весельем, комизмом бытовых ситуаций и почти детской непосредственностью. Поэтому юмор в повести не злой и высмеивающий, а добродушный и самодостаточный.

Тема маленького путешествия, скромного вояжа, возникла у Джерома не случайно. В середине 1870-х годов Темза стала популярным местом отдыха лондонцев и путешествия по реке стали модной тенденцией. В 1888 году, в тот год, когда Джером писал повесть, на Темзе были зарегистрированы восемь тысяч лодок. Ещё через год их стало уже двенадцать тысяч. Джером писал о том, что было «последним писком моды», а изданию его книги и её читательскому успеху приписывают увеличение количества фанатов лодочных прогулок.

Чрезвычайной популярностью во времена Джерома пользовалась приключенческая литература. Многочисленные колониальные романы, романы о поисках сокровищ, романы о морях и пиратах, романы плаща и шпаги, уголовно-сенсационные и шпионские романы уводили читателя в неоромантические миры. Уход героев Джерома от повседневности не был похож на авантюры героев Р. Л. Стивенсона или Г. Р. Хаггарда. Это была всем доступная смена деятельности, безыскусная экзотика лодочной поездки, столь знакомая многим викторианцам. Привлекательность этого текста состояла как раз в том, что в нем рассказывается о том, что может случиться с каждым, о ценности нелепостей жизни, которые и составляют её самую прелестную часть, о моментах счастья в не предполагающих счастье ситуациях, о том, как не чуждо человеку все человеческое.

Проблемы, с которыми сталкиваются герои, проблемами по сути не являются. Это книга без проблем. В ней нет отрицательных персонажей. Читатель разделяет маленькие

радости героев и умиляется их бытовым неурядицам, благосклонно относится к их глупостям и восхищается их философией праздности. Необходимо отметить, что описываемая в книге «важность ничегонеделанья» явилась своего рода альтернативой ценностям и установкам Викторианской эпохи, которая помимо регламентаций и двойственности, была ещё и эпохой тяжелого каждодневного труда. Здесь этому бросается вызов, поскольку это книга о прелестях безделья.

Содержательно повесть Джерома ценна тем, что он представил жизнь своих современников, представителей среднего класса, не с позиции социально-критической или апологетической, но неангажировано принимая простого человека таким какой он есть. Целью описания было незамысловатое путешествие в незамысловатом ключе, рассказ о том, как обыкновенные люди шутят об обыкновенных вещах. И Джерому удалось так обрисовать незадачливых путешественников, так вписать их в среду обитания, что они явили собой обобщенный образ человека среднего класса викторианской эпохи. Джером постоянно сравнивает своих героев с какими-тот другими известными ему людьми, попавшими в аналогичные ситуации, что ещё более типизирует героев и лишает их уникальной индивидуальности, к которой Джером и не стремился, поскольку писал не столько о героях, сколько об их незадачливости.

Талант автора реализовался в искусстве остроумия, в умении увидеть любую ситуацию в комическом освещении. А это работа с формой подачи материала. Любую ситуацию из повести можно пересказать серьезным тоном, и она потеряет джеромовскую прелесть. Манера повествования была совершенно иной, отличной от того, как писали современники Джерома Р. Киплинг, Дж. Конрад или К. Дойль. Джером использовал разговорный язык своего времени, «язык конторских служащих 1889 года», и, что было неожиданно для художественной литературы того времени, этот язык смешил. Критики нещадно отчитывали Джерома,

им не нравился его «новый юмор», их не устраивала «вульгарность» его языка. Как отмечал сам писатель: «Первые двадцать лет моей писательской карьеры я был самым критикуемым автором в Англии». «Макс Бирбом постоянно на меня гневался. «Стандард» объявил меня чумой английской беллетристики, а «Морнинг Пост» приводила в пример того, к каким печальным последствиям приводит излишнее образование среди низших классов». Самое удивительное, что именно «новый юмор» стал залогом успеха книги, придал ей живость и выразительность.

Хотя сюжетной основой повести является путешествие, но атмосферу сюжета формирует английский юмор. Образно выражаясь, сюжетная канва очерчивает события, а юмористическая трактовка наполняет очертания веселыми красками в духе английского юмора. Это и подтрунивание над самими собой, и ироничный комментарий по поводу типичных привычек и традиций, и принятие абсурда повседневной жизни через его юмористическую трактовку. Все это автор осуществляет через умелое использование каламбуров, метафорических переносов, смен регистра, гипербол, эффекта «вставного рассказа», и пр.

Джеромовский юмор при всей его «новизне» не был отходом от традиции, а был самой традицией живого разговорного английского юмора. В этом юморе не было не грамма сатиры и чувствовалась любовь к персонажам. В нем сквозила двусмысленность и интеллектуальное начало при абсолютно невозмутимой подаче. В нем было много самоиронии и комической трактовки тривиальных моментов жизни. Аналогичные поэтические установки имелись у английских лимериков, пятистиший абсурдистского содержания, получивших особую популярность во второй половине 19 века благодаря Эдварду Лиру и его «Книге нонсенса». Абсурд сюжетов лимериков Лира был свободен от подтекста. Забавные истории о чудаках не обладали ни традиционной дидактической направленностью или

нравоучительностью, не призывали к размышлениям серьезного характера, а просто представляли собой абсурд ради абсурда. Игровое начало, заложенное в лимерике, игровое по форме и содержанию, непосредственность, шутливость, лаконичность – все это стало причиной популярности лимериков не только среди детей, но среди взрослой читательской аудитории.

Невольное сравнение шедевров английского юмора 19 века – юмористической повести Джерома К. Джерома с лимериками Э. Лира – происходит из сходного для обоих авторов столкновения здравого смысла с эксцентричным поведением героев. Викторианская эпоха, эпоха респектабельная и регламентированная, консервативная и традиционалистская, породила множество художественных явлений, не соответствовавших её духу и идеологии. Творчество Э. Лира, Л. Кэрролла, О. Уайльда, диссонировало с общим гармоничным правильным фоном нормативного викторианства. Но оно возникло именно потому, что явилось действием от противного: желанием расшатать слишком упрочившуюся традицию, опровергнуть общепринятое и утвердить возможность иного подхода к жизни, творчеству и искусству.

Вставные рассказы в повести Джерома содержательно напоминают лимерики: рассказывается о каком-либо веселом событии, маловероятном, но подтверждающимся рассказом очевидца, с оттенком абсурда и добродушного высмеивания героев рассказа. Нельзя сказать, что рассказы Джерома похожи на нонсенс в полном смысле этого слова, но весьма правдоподобны с точки зрения абсурда жизни в некоторых её проявлениях. Как и в лимериках Лира в повести Джерома создан особый мир, в котором, как пишет Н.М. Демурова, «не ходят в церковь, не помышляют о спасении души, не признают общественных различий, не благотворительствуют, не мечтают о деньгах, званиях, чинах, выгодных женитьбах и связях, не лицемерят, не подличают, не боятся смерти, не унижаются

перед власть имущими, не дрожат перед тем, что скажут соседи. Здесь люди заняты самыми «основами» бытия – они едят, пьют, спят, ловят рыбу, бегают, прыгают, умирают и воскресают. Материальные основы бытия осмысляются тут весело и гротескно». И если лимерики Лира были своего рода атакой на викторианскую назидательность, атакой в абсурдной форме, то вставные рассказы в повести Джерома являются насмешкой над викторианской правильностью, в форме рассказа о реально происходивших событиях, высмеивающих викторианские правила жизни. Лировская радикальность смягчается в комических историях Джерома, но и в тех, и в других царит дух веселья и свободы. Лировские абсурдные маски трансформируются у Джерома в реально существующих людей, с каждым из которых читатель может идентифицировать себя или своих знакомых, настолько истории детерминированы типически и живо описаны.

Структурно повесть Джерома состоит из следующих друг за другом глав, в хронологической последовательности повествующих о путешествии. Но помимо событий самого путешествия, в повествование часто интегрируются вставные рассказы, некие отходы от сюжета, напрямую не связанные с основным повествованием, но так или иначе подчиненные главному замыслу произведения. Под «вставным рассказом» мы в данном случае понимаем текстовое включение, созданное как самим автором, так и одним из его персонажей. Это разные типы вставных рассказов. Часть из них имеет историко-культурную значимость, т.к. первоначальный замысел автора был связан с описанием исторических и ландшафтных достопримечательностей, возникающих по ходу движения путешественников. Хотя и эти исторические вставки даны в вольном юмористическом пересказе.

Конец 19 века в Англии стал периодом пересмотра литературной традиции, поиском нового художественного языка. В случае с Джеромом можно говорить не только об эксперименте юмористического характера, внесение разго-

ворного юмора в художественный дискурс, но и о синтезе публицистического и художественного. В относительно небольшом по объему тексте автор совмещает художественный вымысел и исторический комментарий, и сделать это органично помогает тот же самый юмор. Исторические реминисценции, рассуждения на отвлеченные от сюжета темы разбавляют текст, придавая путешествию, полному бытовых неурядиц, ироническую историко-культурную значимость.

Другие вставные истории представляют собой самодостаточные сюжеты из прошлого героев или их знакомых, призванные проиллюстрировать комические стороны жизни англичан, их традиций, привычек и черт характера. Привлекательность появления таких историй состоит в юмористическом показе универсалий жизни, в косвенном признании того, что вся жизнь состоит из маленьких историй: своих и чужих, смешных и не очень, которые можно рассматривать серьезно, а можно и трактовать юмористически.

Вставные фрагменты создают эффект многослойности. Поскольку достойных описания событий в повести не так много, вставные истории добавляя порцию юмора, усиливают событийность. В результате перед читателем возникает не просто хронология внешних событий путешествия, и двигателем повествования становится не один сквозной сюжет, а «своеобразная Шахерезада» – множество вставных юмористических рассказов. Этот прием некоторым образом детерминирован и психологически: люди на отдыхе не говорят о работе или проблемах, они вспоминают веселые шутки, забавные истории, ассоциативно рассказывают обо всем подряд и воспринимают текущий опыт в сравнении с предыдущим, часто не своим.

Вставные тексты Джерома не усложняют сюжетно-композиционную архитектонику повести: они не интеллектуализированы, не подразумевают ничего, кроме самих себя, не переключают читателя на серьезный лад,

а дополняют новую порцию юмора в смеховую струю повествования. У них одна функция – ещё раз развеселить.

Повествование о путешествии всегда имеет четкую взаимосвязь временных и пространственных отношений. В повести Джерома время дается в нескольких измерениях: время самого путешествия – линейное время фабулы; время вставных историй, ассоциативно возникающих у рассказчика – ретроспекция; и историческое прошлое Англии, возникающее в ряде исторических справок и описаний исторических реалий – рудиментов первоначального замысла автора, которые сводился к тому, чтобы создать путеводитель, освещающий ландшафтные и исторические «декорации» Темзы.

Также подразделяется и пространство: путь по Темзе и местечкам, возникающим по ходу путешествия, пространства вставных рассказов и исторически значимые пространства как часть путеводителя. И все это хронотопическое многообразие живет своей веселой жизнью, впитывающей здесь и сейчас, «прошлой осенью» и «в одном доме в Кингстоне», «у замка Хивер в графстве Кент» и во времена Генриха Восьмого. Как отмечает Д. А. Розеватов: «В сознании героя прошлое связано с настоящим, а настоящее проецируется в будущее. Такой приём позволяет автору ярко и наглядно выявить характерное для английского менталитета ощущение непрерывающейся связи со своим прошлым, бережное отношение к нему. Этим определяются наиболее выразительные черты, характеризующие английский национальный менталитет: традиционализм и консерватизм».

Повесть Джерома была написана в пору расцвета викторианства. Но в книге игнорируется викторианский кодекс поведения: нет ни слова о трудолюбии, пунктуальности, умеренности, респектабельности, хозяйственности, посещении церкви, благотворительности; никакого культа семейной жизни, никакого прагматизма, никаких спортивных игр на свежем воздухе. Джером отдыхает от доминант

официальной идеологии, постулируемой правильной модели поведения. Его герои живут не так, как надо, а как получается, и непредсказуемости путешествия дают им на это полное право. Викторианская система ценностей: особый менталитет, образ жизни, стиль эпохи не довлеют над сюжетом. Разве что сама тема лодочного путешествия, «бегства» из города, вполне соответствует желанию представителей первого индустриализированного и урбанизированного общества – отдохнуть на лоне природы. Но и это подвергается осмеянию. Привычка к городскому комфорту заставляет героев поспешно вернуться в лоно цивилизации. И в заключительном эпизоде повести мы вновь видим модель городского образа жизни: посещение мюзик-холла, наслаждение французским обедом в «отличном недорогом ресторанчике» и «глубокомысленное курение сигары».

Задуманная как путеводитель, переосмыслившая национальные культурные и литературные традиции, юмористическая повесть Джерома стала классическим образцом английского юмора, доверительной частной историей из жизни истинных англичан вне класса и сословия. И в этом секрет её популярности.

Список литературы

1. Демурова Н. М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса // Topsy-Turvy World. English Humour in Verse. – M.: Progress Publishers, 1978. – P. 5–22.
2. Е. В. Зброжек. Викторианство и повседневность // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – № 9. – 2005. С. 28–44.
3. Зверев А. М. Улыбка Джерома // Джером К. Джером. Трое в лодке, не считая собаки. Трое на четырех колесах. Рассказы. – М., 1995. – С. 5–14.
4. «Игра в бисер» с Игорем Волгиным // Режим доступа: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20921/episode_id/1485523/video_id/1614475/

5. Карасева Т. Б. Повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» и «Трое на прогулке» и неоромантические тенденции в английской литературе конца XIX – начала XX в. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Самара, 2012. – 24 с.
6. Розеватов Д. А. Жанровое своеобразие повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – № 2 (2). – 2012. – С. 468–471.
7. Соловьева Н.А. Викторианство как феномен культуры // История зарубежной литературы XIX века: Учебное пособие / Н. А. Соловьева, В. И. Грешных, А. А. Дружинина и др.; Под ред. Н. А. Соловьевой. – М.: Высш. шк., 2007. – С. 159–180.
8. Щербак Н.Ф. «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома: ирония, комический лиризм, история создания // Таврический научный обозреватель. – № 2 (19). – 2017. – С. 5–9.
9. Jeremy Nicholas. “Three Man in a Boat” and “Three Man on the Bummel”: The Story behind Jerome’s Two Masterpieces // Jerome K. Jerome Society. URL: https://www.jeromekjerome.com/

LITERATURE

1. Golden G. Reading in the Dark: Using film as a Tool in the English Classroom. National Council of teachers of English, USA.
2. Jerome K. Jerome Three men in a boat to say nothing of the dog! London: Penguin Books Ltd, 1994.
3. Stempleski S., Tomalin B. Film. Oxford: Oxford University Press, 2003.
4. Джером Д. К. Трое в лодке, не считая собаки. – М.: Мир Искателя. 2000.
5. Джером Д. К. Трое в лодке, не считая собаки. – М.: Владимир: Астрель. 2011.

Учебное издание

Ольга Николаевна Голубкова
Надежда Владимировна Котова

Читаем, смотрим, обсуждаем

Учебное пособие
по повести Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки»
и ее экранизациям

Ответственный за выпуск: Н. М. Шутова
Редактор: Н. М. Шутова
Технический редактор:
Оригинал-макет А. О. Талашев

Подписано в печать 09.06.2018. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 5,4. Уч.-изд. л. 3,4.
Тираж 100 экз. Заказ № 1100.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207
Тел./факс: + 7 (3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru

Типография
Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18